

ВИКТОРИАНСКИЙ МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

АЛЕКСАНДРА ТОРН

ГОЛОС ВО ТЬМЕ

СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ
КОМИССАР БРЕННОН И МИСТЕР ЛОНГСДЕЙЛ

Консультант

Александра Торн
Голос во тьме

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Торн А.

Голос во тьме / А. Торн — «Издательство АСТ»,
2022 — (Консультант)

ISBN 978-5-17-146894-1

Новое дело для комиссара и консультанта: в парке найден труп девушки – лицо обезображено так, что опознать ее невозможно. На первый взгляд, ничего потустороннего, но вскоре Лонгсдейл обнаруживает след странной магии, природу которой не может объяснить, а вслед за первой жертвой появляются и следующие... Опасность угрожает и Маргарет – неугомонной племяннице комиссара.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-146894-1

© Торн А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

14 февраля	6
15 февраля	18
18 февраля	28
19 февраля	39
Ночь на 21 февраля	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александра Торн

Голос во тьме

© Торн А., 2022

© ООО «Издательство «АСТ», 2022

14 февраля

Блэкуит, Эдмур, февраль 1864 года

Глядя на Томаса Барри из Томлехлена, Бреннон думал, что этого человека выперли из семинарии за выражение лица. Маленькие глазки непрерывно бегали, язык облизывал тонкие губы, кадык подергивался, пальцы елозили по столу, колени подрагивали, словно каждая часть его тела жила собственной жизнью. А взгляд был такой извиняюще-мутный, что так и хотелось проверить его карманы на предмет мелкой кражи. Священник, в конце концов, должен вызывать у прихожан уважение и трепет, а не жалость и подозрения в воровстве.

– Послушайте, – жалобно повторил Барри, – я не хочу!.. Господи, я не могу предстать перед судом!

– Почему? Что вам мешает?

– Я... я ничего не знаю! Ни о Муре, ни о Грейсе, ни о, прости Господи, этих детях! Я просто переписывался с Грейсом, и он мне ничего такого...

– Он бы и не стал, – сухо сказал комиссар. – Будучи весьма разумным человеком, он вряд ли принялся бы расписывать в красках, как заманивал, душил и хоронил детей в своей церкви.

Барри дернулся всем своим невеликим телом:

– Но я же не знал! И Мур...

– И Мур, когда пил у вас чай по воскресеньям, тоже ни словечком не обмолвился. Понимаю.

– Послушайте! – Человек, долгое время переписывавшийся с Душителем. – Я не могу отказать от дома брату жены, кто он там... деверь? шурин? Забыл... только потому... потому что... Господи ты боже мой!

Он вытащил платок и утер лицо. Риган монотонно зачитал выдержку из досье:

– Вы обучались в одной семинарии с отцом Адамом Грейсом и состояли с ним в переписке до самой его смерти. Вы уже девять лет женаты на Алисе, сестре Джейсона Мура, который являлся второй половиной Хилкарнского душеителя. Джейсон Мур регулярно вас навещал и познакомился с отцом Грейсом в вашем доме.

– Но это же не значит!.. Послушайте, я... я... – Барри облизнул губы, – я вам денег дам, просто забудьте...

– Сколько дадите? – скушаяще спросил комиссар.

Барри судорожно скомкал платок.

– Ну, в пределах разумного...

– Пять лет, – задумчиво констатировал Натан. – А с учетом тяжести преступления и моего звания – все восемь. Риган, он совал тебе взятки?

– Да, сэр. К сожалению, у меня нет свидетелей...

– Зато у меня есть. Скажите, из семинарии вас выгнали за беспроектную тупость?

Барри жалко заморгал. Натан поднялся.

– Вы предложили мне взятку во время допроса под запись, при трех свидетелях. А если учесть, что вашими друзьями были Мур и Грейс, то я бы на вашем месте тратил деньги на адвокатов, а не на подкуп.

– Но я же не виноват! – возопил свидетель.

– Риган, заканчивай! – распорядился Бреннон.

– Да, сэр. Итак, мистер Барри, подтверждаете ли вы слова отца Эндрю Лаклоу о том, что из семинарии вас отчислили за крайне неблагоприятный поступок?

Натан вышел из допросной, но не поднялся к себе, а остался у двери в компании Двайера, наблюдая за молодым детективом.

– Поступок? – проблеял Барри.

– Мы найдем ту девушку, – пообещал Риган. – Несмотря на давность дела, нам вполне по силам разыскать вашу жертву.

У Барри вырвался слабый сип:

– Я не могу! Как вы не понимаете! Я не могу рассказать о таком в суде!

– Расскажите о другом. Мур знал об этом?

– Н-н-нм-мф-ф-ф...

– Знал или нет?

– Я ему рассказал, – покорно пробубнил Барри.

– Зачем?

– Я не знаю зачем... как-то раз у меня была мигрень, и он налил мне что-то в чашку. Сказал, что лекарство. А потом... потом он так долго смотрел мне в глаза, а я все рассказывал, и рассказывал, и не мог остановиться... – Барри сглотнул. – Он больше никогда не упоминал об этом, и я решил, что мне просто приснилось. Вы мне все равно не поверите, – упавшим голосом сказал он. – Никто мне не поверит! Боже, боже, если тесть узнает... если он только узнает! Он же выгонит меня из конторы!

– Зачем вы покрывали Грейса? Вас было двое. – Риган пошуршал бумагами. – Тем не менее наказание за... – он взял письмо, написанное на бланке семинарии, – «недостойный случай с девушкой», как пишет ваш ректор, понесли только вы.

– Это Лаклоу! – с истерическим взвизгом крикнул Барри. – Он был проректором, он все сделал, чтобы выгородить своего крестника! Сынок его лучшего друга, тьфу!

– Шантаж, – хмыкнул Двайер. – Недурно для бухгалтера, сэр.

– И надежно, – согласился Бреннон. – Не мог же Мур держать Грейса на чародейской привязи круглые сутки. Когда Риган закончит с мелкими деталями – пакуйте все и везите в суд.

– Сэр, – Двайер со всей почтительностью заступил ему дорогу, – разрешите вопрос? Мур не просто так сам себя сжег, верно? А церковь с Грейсом он же не спичками подпалил? И вообще, они ведь детей убивали не из прихоти?

– Мур свихнулся на религиозной почве, – процедил Бреннон. – Верил, что может вызвать дьявола.

– Но мы видели. – Двайер пристально в него вперился. – Мы же все видели, сэр. И вы тоже. Этот чертов круг на мосту!

– А судья не видел. И никто в суде не видел.

– Так можем привести туда и показать! Мост же цел, сэр! Как это возможно, если Мур сам себя на нем сжег?!

– Я знаю, Двайер, – сказал комиссар. – Я знаю. Бройд знает. И, может, когда-нибудь мы сможем убедить в этом остальных.

Детектив тяжело вздохнул; его могучие плечи поникли.

– Да, сэр... Только вот хотелось бы поскорее.

– И мне, – поцедил Бреннон, – и мне, Двайер.

Бреннон уже направился к лестнице, когда детектив снова его окликнул:

– То, что Мур там делал, реально? Это возможно? Взаправду возможно?

Комиссар обернулся. Двайер нервно постукивал пудовым кулаком по стене.

– Да, – подтвердил Бреннон, – возможно все.

* * *

– Итак, – Бройд убрал в папку отчет Ригана, – наше дело сделано. Суд проведет разбирательство, но за отсутствием живого преступника это чистая формальность.

– Угу, сэр, – мрачно отозвался Бреннон, катая в ладони рюмку виски.

Шеф полиции достал сигару, отхватил гильотинкой кончик и закурил.

– Недовольны? – поднял голову Бройд.

– Угу, сэр.

– Я тоже. Я бы предпочел, чтоб его вздернули как положено, и, честно говоря, посмотрел бы на это с большим удовольствием. – Бройд налил себе виски. – Это дело доконало Тони Коннора. Пусть теперь покоится с миром.

– Пусть покоится. – Бреннон опорожнил рюмку. Предыдущий комиссар отдела особо тяжких у многих оставил по себе добрую память и как начальник, и как друг. Но Душитель оказался ему не по силам, а появившись у них тогда консультант, кто знает, как бы все обернулось...

– У вас сохранился хотя бы клочок улики, ведущих к этому, как вы говорите, пироману? – поинтересовался шеф, без промедления переходя к следующей проблеме.

– Клочок и сохранился, – буркнул Бреннон. – Остатки его порванной одежды. Все остальное он спер, пока мы...

– Хреново же мы работаем, если пироманы ходят к нам, как в кабак.

– А то, сэр. Я, правда, попросил Лонгсдейла что-нибудь придумать, и он вроде как что-то такое сообразил. Сегодня зайду, узнаю.

– Хорошо. – Бройд выпустил в потолок плотное облако дыма. – Разыщите его, Натан.

– Консультанта?

– Пиромана, черт подери! Нам тут только самосуда не хватает для полного счастья! Кто он такой и на кой черт все это сделал?

– Хотел бы я знать, сэр. И узнаю. Лично выбью.

– Маргарет, возможно, тут ни при чем. – Бройд окинул Натана внимательным взглядом. – Может, с пироманом была какая-нибудь ведьма... Ваша племянница, в конце концов, нежная хрупкая юная леди. Нервное расстройство – самое меньшее, что с ней случилось бы от одного запаха горящей плоти. А она, как мне кажется, вполне в добром здравии, и кошмары по ночам ее не мучают.

– Да, сэр, – вздохнул Бреннон. – Но именно ей пироман дал заклятие, чтобы пометить Мура.

– Вы допрашивали мисс Шеридан?

– Только в рамках дела Душителя, сэр. Я боюсь спугнуть пиромана, потому что уверен: он все еще крутится около Маргарет.

– Почему? Он получил, что хотел. Он мог давно уйти и даже подчистить ей память. Ведь Лонгсдейл говорил, что такое возможно.

– Нет, – угрюмо сказал Бреннон, – он защищал ее от ифрита. Рисковал собой. Она для него не просто приманка.

– Вы сказали семье?

– Пока нет.

Бройд пожевал сигару.

– Натан, вы же понимаете, что в самом худшем случае ваша племянница может забеременеть?

– Да ради бога! – Комиссар резко поднялся и описал круг по кабинету.

– И тогда уже поздно будет говорить с семьей, – нажимал Бройд.

– Она выгодна ему девственницей. Кровь, волосы, слюна, что еще они там используют в своей магической дряни.

– Вы думаете, это надолго его удержит?

Бреннон хмуро молчал, уставившись в темное окно. Интересно, Лонгсдейл сможет смастерить какой-нибудь следящий амулет? Но как его нацепить на своевольную девчонку?

– Послушайте, Натан, вы много работали над этим делом, как и мы все, и если вам нужен отпуск для улаживания семейных проблем...

В дверь кабинета бухнули кулаком.

– Какого черта?! – рявкнул Бройд.
– Труп, сэр, – прогудел из-за двери Двайер. – В парке Свободы.
– Ну и займитесь им!
– Так видок у тела уж больно неприглядный. Может, эту девку того...
– Жизнь бьет ключом, – философски заключил Бреннон. – Я поеду, сэр. Еще только пять, надеюсь, обернусь к вечеру.
– Хорошо, – проворчал шеф. – Наш стойкий народ продолжает убивать и грабить, невзирая на Душителей и черную магию. Просто-таки внушает веру в нестигаемый дух нации.
– А то ж, – хмыкнул Натан. После Душителей, пироманов и ифритов ему хотелось наконец заняться простым, немудреным убийством. И чтобы никаких потусторонних тварей!

* * *

– Матерь Божья! – прошипел комиссар.
– Били камнем, пока не уничтожили лицо полностью. – Кеннеди сидел на маленьком раскладном табурете и изучал искалеченные останки. Жертва лежала в багровом снегу, раскинув руки и разметав темно-каштановые волосы. Шляпка сбилась набок, из мокрых волос торчали шпильки. – Судя по ее телосложению, рукам и шее, ей было от семнадцати до двадцати. Может, чуть больше. Точнее определю при вскрытии.
– Причина смерти – это... вот это?
– Других ран на теле нет. Смерть наступила около суток назад, но поскольку тут довольно холодно, то, вероятно, даже несколько раньше. Как только я смогу увезти тело...
– Кто ее нашел?
– Смотритель парка, – доложил Бирн. – Старик обходит свой участок каждый день с четырех до шести.
– Но еще вчера тела тут не было. Значит, ее бросили меньше суток назад.
– Я осмотрел окрестности, сэр. Натоптали кругом, конечно, изрядно, но тем не менее никаких следов крови и прочего вокруг нет. Только здесь. – Бирн обвел место преступления карандашом. Покойница лежала под березой, в луже крови, на коре остались подсохшие потеки, кусочки мозга и осколки кости.
– Он обработал ее камнем здесь. Нашли орудие убийства?
Бирн покачал головой:
– Нет. Но вообще тут легко можно отыскать камень подходящего размера. Чуть дальше ремонтируют ограду парка, там этих камней – телеги.
– Но унести его с собой все равно трудновато.
– Только до пруда, сэр. До него полдюжины ярдов вон по той дорожке. Я уже приказал оцепить водоем и заняться поисками.
– Где служитель?
– Хейз отвел обратно в его сторожку. Старик не в себе. – Бирн быстро переписал несколько строк на чистую страничку, вырвал из блокнота и протянул комиссару: – Все, что удалось из него достать. Может, – детектив кашлянул, – вам он расскажет больше.

Натан хмыкнул и сунул листок в карман. За долгие годы детектив Бирн наловчился допрашивать особо нервных свидетелей, не поворачиваясь к ним левой стороной лица, но в полевых условиях это не всегда удавалось. Вряд ли смотритель, переживший на старости лет потрясение от вида изуродованного тела, будет весело болтать с человеком, у которого половина физиономии состоит из шрама, протянувшегося от волос до подбородка.

Бреннон еще раз оглядел полянку. Местечко весьма уединенное, труп мог пролежать тут неделю, если бы не обход паркового смотрителя. Дорожка из розоватого туфа изгибалась дугой, и у изгиба стояла скамья с высокой спинкой, которая закрывала несколько берез и густые кусты

лещины, где было найдено тело. Между двух кустов имелся небольшой проход, и комиссар отметил обломанные и оголившиеся ветви. На них осталось несколько цветных ниток.

– Зачем смотритель сюда полез?

– Он заметил на снегу следы, которые вели к кустам. Начальство распорядилось гонять парочки, вот он и сунулся.

– Он видел что-нибудь, кроме тела?

– Этого он не сказал. Ему хватило духу только на то, чтоб заорать и кинуться отсюда бегом – к счастью, в сторону окружного полицейского, который дежурит у восточных ворот парка. Окружной услышал вопли и, слава богу, успел разогнать всех зевак. Вызвал подмогу из своего участка и оцепил поляну.

– Хорошо. При ней, как я понял, ничего нет?

– Ни сумочки, ни корзинки – ничего. Хотя, судя по одежде и рукам, я бы сказал, что это горничная из приличного дома. Но, может, мы найдем какие-нибудь метки на белье.

– Ограбление? – пробормотал Бреннон. – Ну да ладно. Где сторожка смотрителя?

– Вон в ту сторону, сэр, ближе к восточным воротам.

Бреннон зашагал по дорожке, размышляя, сколько свидетелей удастся найти – одного или двух? Дело было полностью тухлым: бедолагу, скорее всего, убил случайный ополоумевший без выпивки пьянчуга, пытаясь добыть немного денег на бутылку. Разве что получится установить личность жертвы.

«Зато не какая-нибудь потусторонняя пакость», – кисло подумал Бреннон. Как будто родителей девушки это утешит...

* * *

Мисс Тэй замерла перед витриной с пряниками. Маргарет осторожно обошла компаньонку по кругу. Нехорошо, конечно, ставить опыты на бедной женщине, но как еще узнать, сработает «замри и смотри» или нет? На животных такое заклятие не действует, да и кошечку Заплатку было жалко... больше, чем компаньонку.

Пока мисс Тэй пожирала взглядом медовый пряник, Маргарет потихоньку отступила в переулок. Она уже чувствовала себя арестанткой под круглосуточным надзором – мама устроила невиданный доселе террор, и мисс Шеридан подозревала, что дядя при допросе выдаст-таки что-то насчет ее прогулок в одиночку.

«Сами виноваты», – решила Маргарет, быстро сворачивая на соседнюю улицу. Уже и в аптеку нельзя сходить без конвоя! А мисс Тэй не одобрит все то, что Маргарет собиралась там купить, и наябедничает маме. Мисс Шеридан вытащила из муфточки список и сверилась с набором ингредиентов для простейшего зелья. Она, правда, понятия не имела, как и где будет его варить, но... в конце концов, с трудностями надо разбираться по мере их поступления. Главное – к воскресенью продемонстрировать Энджелу пузырек с составом для проявления следов (заодно она наконец узнает, кто из братьев таскает конфеты из ее вазочки).

Девушка убрала список в муфту и огляделась. Аптека должна быть где-то здесь; еще только пять, она наверняка открыта. Улица была безлюдна – с одной стороны ряды домов, с другой – лавки, чередующиеся с какими-то амбарами, сараями и складами, огороженными щелястыми заборами. Не самый респектабельный район, но аптекарь из их квартала тоже может донести матушке...

Маргарет не очень точно знала, как долго продлится действие чар, и, увидев наконец вывеску «Аптека», радостно заспешила навстречу покупкам.

– Эй! – хрипло раздалось позади, и кто-то ухватил девушку за руку.

Мисс Шеридан возмущенно вскрикнула, вырвалась и обернулась. Перед ней, пьяно покачиваясь, стоял какой-то тип: рослый, грязный, заросший до самых глаз рыжей щетиной.

– Леди, – гнусаво протянул он и ухмыльнулся. – А вот и леди!

Его взгляд блуждал, и Маргарет осторожно попятилась, надеясь юркнуть в аптеку. Пьянчуга шагнул следом.

– А, леди? Леди, да?

Губы девушки уже шевельнулись для «замри и смотри», как вдруг ее крепко сгребли поперек талии, зажали рот вонючей грубой ладонью и поволокли неизвестно куда. Мисс Шеридан брыкалась, царапалась и наконец, забыв о брезгливости, впилась зубами в ладонь похитителя. Он сдавленно охнул, запнулся и швырнул ее, как котенка, в глубину темного переулочка. Маргарет ударилась плечом о стену, вскрикнула и, поскользнувшись в мерзком месиве из снега и грязи, упала на колени.

Их было уже трое: рыжий пьянчуга, тип с прокушенной ладонью и еще один – с фонарем. Они обступили Маргарет полукругом, и она прижалась к стене. Плечо болело, но меховое пальто смягчило удар, и вроде бы ничего не было сломано.

– Кто вы такие? – дрогнувшим голосом спросила Маргарет. – Что вам нужно? Деньги? – Она сунула руку в кармашек в муфте. Как жаль отдавать накопленное для покупки ингредиентов! – Забирайте!

Список покупок, монеты и пара банкнот полетели в грязь. Тип с фонарем поднял руку повыше, осветив лица своих поделщиков.

– Леди, – прошепелявил он, глупо ухмыляясь. – А вот и леди.

– Леди, – повторил другой, с укушенной ладонью. – Ага, леди.

Рыжий, не переставая блаженно улыбаться, достал из кармана раскладной нож и выщелкнул лезвие.

– Леди, – сказал он. – Хорошая леди.

– Stet adhuc et videre! – завизжала Маргарет. Рыжий на миг замер, мотнул башкой, опустил нож и уставился в стену над головой девушки. Остальные тоже застыли. Сбивчиво дыша, мисс Шеридан кое-как поднялась и по стеночке поползла мимо этих троих. Вдруг тот, кого она укусила, пару раз медленно моргнул, вздрогнул и сцапал девушку за локоть. Маргарет пронзительно закричала, а он повалил ее на землю и придавил коленом. Тип с фонарем направил свет на девушку, рыжий схватил ее за волосы и заснес нож над ее лицом.

– Stet adhuc et videre! – заверещала Маргарет, отпихивая нож. – Stet adhuc et videre!

Рыжий порезал ей руку и снова замер, тупо глядя в никуда, и в это время огромный косматый пес врезался в него всем телом, сбил с ног и вцепился в запястье. Челюсти сомкнулись, как капкан; хлынула кровь, и бандит заорал. Собака мотнула башкой, не разжимая зубов, вопль перешел в отчаянный визг, и она разжала клыки. Поврежденная кисть руки рыжего нелепо болталась. Маргарет затошнило; а пес, оскалив окровавленную пасть, взревел так, что земля задрожала.

Двое бандитов с воплями шарахнулись прочь от мисс Шеридан. Девушка вжалась в грязь, едва помня себя от ужаса, который внушал этот рев. Над ней выросла могучая рыжая гора, источающая жаркое тепло. Маргарет, дрожа, съежилась в комочек и с трудом приоткрыла глаза. Пес смолк и уставился на людей, оскалив клыки. С морды на снег капала кровь.

– Боже мой... – пролепетала мисс Шеридан.

Рыжий полз прочь на четвереньках, прижимая почти оторванную руку к груди, скулил и всхлипывал. За ним тянулся красный след. Двое других пятились, пока на выходе из тупичка не налетели на высокого крупного джентльмена. Сердце Маргарет замерло: по мерцающим во тьме голубым глазам она узнала мистера Лонгсдейла.

Похититель, которого она укусила, истошно завопил и попытался ударить консультанта кулаком в лицо. Лонгсдейл поймал кулак, сжал, и кровь, ошметки кожи, осколки костей брызнули у него между пальцев. Бандит испустил такой крик, что у Маргарет волосы зашевелились. Лонгсдейл выпустил то, что осталось от кулака, и сгреб в охапку третьего гада. Девушка

уткнулась лицом в гриву собаки, зарылась в густую шерсть и теперь ничего не видела, слышала только отчаянный задыхающийся вопль. Пес тронул мокрым носом ее щеку и очень по-человечески похлопал лапой по плечу.

* * *

Мистер Лонгсдейл, склонившись над рукой Маргарет, осторожно обрабатывал длинный порез вдоль локтя. За спиной консультанта виднелась матушка, но мисс Шеридан почти не обращала на нее внимания. Она из-под ресниц смотрела на героя дня и чувствовала себя принцессой, которую вынес из логова дракона могучий воин, скрутив ящера в бараний рог голыми руками.

Консультант был очень сильный. Он поднял Маргарет, как пушинку, прижал к себе, не обращая внимания на то, что она вся в грязи, и понес к экипажу. Пес рысил следом, не сводя с девушки горящих глаз. А в экипаже, когда мистер Лонгсдейл уложил Маргарет на сиденье, она взглянула ему в лицо и не узнала: ровно на секунду перед ней появился совершенно другой человек. Хотя он не сказал ей ни слова, его горящий от ярости взгляд крепко впечатался в память девушки. Всего через секунду консультант вновь превратился в невозмутимо-холодного джентльмена, и Маргарет до сих пор не могла понять, показалось ей это или было на самом деле.

Он закутал ее в свое пальто, а пес свернулся клубком в ногах, грея горячим боком. Дальше Маргарет почти не помнила – она наконец впала в приличествующее юной леди полубморочное забытие. Мистер Лонгсдейл привез ее домой, отнес в комнату под охи и ахи горничных и возгласы мамы – благодарные, обращенные к консультанту и негодующие в адрес плачущей компаньонки. После ванны Маргарет уложили в постель, и консультант занялся раной девушки.

Маргарет спустила с кровати руку и почесала гриву пса. Тот в ответ жарко подышал ей на ладонь и нежно облизал ее языком размером с полотенце. Странно, сейчас мисс Шеридан совсем не боялась, будто не эта собака внушила ей такой страх в переулке...

– Готово, мисс, – сказал консультант и стал убирать в чемоданчик мази, бинты и пластырь.

– Спасибо. – Маргарет дотронулась до его руки и порозовела; сердце затрепыхалось, как бабочка в кулаке. – Если бы не вы...

– Не стоит благодарности. – Он никак не ответил на ее касание, даже не взглянул на нее. – Впредь будьте осторожнее, мисс.

– О, конечно, – прошептала Маргарет, удерживая его за руку. Его ладонь с длинными сильными пальцами была такой большой, что кулачок девушки мог спрятаться в ней целиком.

– Вашей дочери необходимы крепкий сон, тишина и покой, – заявил мистер Лонгсдейл.

Миссис Шеридан, явно настроенная высказать дочери все, что думает, неохотно отступила.

– Ладно, юная леди, поговорим утром. Может, вы останетесь на чашечку чая? – повернулась она к консультанту.

– Нет, благодарю. – Консультант взял чемоданчик. – Меня ждут срочные дела. Советую вам как можно скорее сообщить о том, что произошло, комиссару Бреннону.

– Еще бы, – зловеще процедила матушка, и Маргарет хмыкнула. Дяде определенно не понравится матушкино мнение о его работе в качестве комиссара полиции.

Через полчаса девушка осталась одна. Она лежала в кровати, и понемногу тело начало мелко трясти, словно ее наконец догнал тот страх, который положено испытывать при нападении бандитов с ножом. Зубы Маргарет мелко застучали. Господи, а если б Энджел не успел научить ее самым элементарным заклятиям?! Да она жива только благодаря «замри и смотри»,

иначе псу и Лонгсдейлу осталось бы биться за ее труп! И... и... о боже, да что эти трое хотели с ней сделать?!

В глазах все поплыло от горячей влаги, по вискам скатились слезинки. Маргарет уткнулась в подушку и накрылась с головой одеялом. Свернувшись в клубочек, она тихо шмыгала носом, пока никто не видит и не слышит. Постепенно ее охватывало странное оцепенение, воспоминания сумбурно смешались, и стало подступать забытие, будто ей подмешали снотворного. Девушка уже проваливалась в сон, когда у нее над ухом прошелестел голос Энджела:

– Маргарет!

Она дернулась так сильно, что едва не врезалась макушкой ему в подбородок, и заполошно замоталась в одеяло.

– В-в-вы з-зачем так подкрадываетесь?!

Он стоял у ее кровати, опираясь коленом на перину, а рукой – на изголовье, и нависал над Маргарет, словно вампир: лицо бледное, губ почти не видно, глаза – огромные, фактически черные, полные тревоги.

– Простите меня.

– Что? Почему? – Она быстро вытерла слезы и удивленно уставилась на Энджела. – За что?

Он приложил ладонь ко лбу девушки, одновременно поймал ее руку с порезом, и его глаза вдруг свирепо вспыхнули, как у зверя. Маргарет невольно сжалась.

– Я должен был научить вас хотя бы одному заклинанию для самозащиты, – процедил Энджел. – Должен был – и не научил.

– Но если бы вы не научили меня «замри и смотри», меня бы уже не оказалось в живых.

– А раз не научил, – хмуро продолжал наставник, – то обязан защищать сам. Вы там очутились лишь потому, что я велел вам найти ингредиенты и сварить зелье-следопыт.

Слушать это было так же приятно, как и голос мистера Лонгсдейла; Маргарет даже почувствовала себя лучше.

– Ну вы ведь не моя нянька и не обязаны следить за мной круглые сутки, не говоря уже о том, что это просто неприлично.

Энджел не ответил на шутку. Он положил на кровать чемоданчик и постановил:

– Займемся вашими повреждениями. Где еще?

– Н-но ими уже позанимались! – с робким протестом выдавила Маргарет, натягивая повыше одеяло. Почему он вечно норовит застать ее в одной сорочке?!

– Это кто же? – сухо осведомился Энджел. – Ваш консультант?

– Он не... не все, только руку... Плечо мама не разрешила, сказала, что наш семейный доктор...

– Ваш семейный коновал? – Энджел фыркнул. – Еще чего! Какое плечо?

– Правое... что вы делаете?! Прекра...

– Ш-ш-ш. – Он прижал два пальца к губам Маргарет, другой рукой уверенно стаскивая с нее одеяло и распуская воротник сорочки. – Не шумите. Ваша скромность в полной безопасности.

«Да?!» – Маргарет густо покраснела, тем более что Энджел уже ощупывал ее плечо. Ощущения были одновременно болезненными и совершенно... нескромными. Он открыл чемоданчик (пришел бы пораньше – и они с консультантом могли бы консилиум устроить, втроем, включая пса) и достал увесистую банку с прозрачным желеобразным веществом, в котором виднелись мелко покрошенные зеленые листочки и серебристые вкрапления.

– Что это?

– Наши предки называли этот состав эльфийской мазью от всех болезней, хотя, конечно, преувеличивали. – Энджел открутил крышку, и по спальне пополз сильный травянисто-металлический запах.

– Почему?

– Зелья от всех болезней не существует, как и камня, превращающего любой металл в золото. А с различными целебными смесями вы познакомитесь позже, когда мы перейдем к изучению магических свойств органики и неорганики.

– А это органика или неорганика? – подозрительно спросила Маргарет: ей они обе не нравились.

– И то и другое.

Мисс Шеридан вздрогнула, почувствовав холод мази и тепло его сухих пальцев. Энджел принялся по кругу втирать состав в огромный, на все плечо, синяк. Кожа немного позудела, но боль почти сразу же прошла. Хотя это все равно было совершенно неприлично! Маргарет притянула к себе банку и понюхала.

– Неужели вы его сами сделали?

– Вас что-то в этом смущает?

Он спросил таким тоном, что девушка зарделась и предпочла оставить банку с ее содержимым в покое. Энджел вытер руку платком, закрыл банку, убрал ее в чемоданчик... и невозмутимо растянулся на постели рядом с Маргарет, откинувшись на подушки и забросив длинные ноги на спинку кровати.

– Эй! – возмутилась девушка.

– А сейчас, юная леди...

– Вы что?! Это же нельзя! Неприлично!

– А сейчас, юная леди, подумайте и скажите: почему «замри и смотри» на них не действовало?

Маргарет замерла от неожиданности вопроса и нахмурилась, покусывая губу. В самом деле, заклинание ведь действовало, но почему-то не так, как надо! Будто что-то мешало... или она просто неумеха. Редферн выжидательно смотрел на нее, утопая в подушке, и девушка наконец неохотно призналась:

– Потому что я недостаточно сосредоточилась.

– Недостаточно сосредоточились на желании выжить?

– Но на меня еще ни разу не нападали во время чтения заклинаний, да еще и с ножом! Это как-то сбивает с мысли.

– Расскажите все по порядку. И не прикасайтесь ни к чему этим плечом, пока мазь не впитается.

Мисс Шеридан завернулась в одеяло, как гусеница, улеглась на бок, оставив открытым плечо, и начала с того момента, когда несчастная мисс Тэй познакомилась с «замри и смотри».

– Любопытно, – сказал Энджел, когда девушка закончила. – Очень странное поведение для пьяных.

– Почему? То есть я не разбираюсь в поведении пьяниц...

– Зато я разбираюсь. И думаю, вы уже знаете, отчего ваше заклятие не сработало.

– Тогда вы знаете больше меня. Оно что, не действует на пьяных?

Энджел раздраженно цокнул языком. Маргарет засопела. Почему она вообще должна об этом думать после таких страданий?! «Замри и смотри» срабатывало, просто всего лишь на пару секунд!

– Давайте, девушка, думайте! Вы же сами все видели, просто не анализируете!

Маргарет тяжело вздохнула. Слова «Давайте, думайте!» и «Анализируйте! Рассуждайте!» уже, должно быть, навеки высечены в ее мозгу. Она снова сосредоточилась на неприятных воспоминаниях и недовольно пробубнила:

– Я же не знаю, что обычно делают пьяные бандиты, когда хватают жертву.

– Вы кланчите подсказки, юная леди. Ну ладно, вот вам одна: с чего вы взяли, что они пьяны?

Маргарет вздрогнула и села в кровати. Но если нападающие не были пьяны и не хотели ее ограбить... ведь никто из них и бровью не повел в сторону денег!.. И... и... зачем этот рыжий хотел ткнуть ее ножом в лицо?!

– Видите, – тихо сказал Энджел: он вдруг оказался совсем рядом, обеспокоенно глядя на девушку, – все куда хуже, чем просто неудачное ограбление.

– Они повторяли одно и то же, как заведенные, – прошептала Маргарет; ее пробрал озноб. – И этот рыжий... я думала, он просто угрожает, но он не угрожал, он хотел ткнуть меня ножом в лицо! Зачем ему тыкать ножом мне в лицо?!

– Чтобы отрезать.

Девушку бросило в дрожь так, что зубы застучали. Энджел помедлил и прижал ее к себе – осторожно, будто опасался повредить. Маргарет зажмурилась и вцепилась в него изо всех сил: только так она чувствовала, что хоть немного в безопасности. Он на миг напряженно застыл, а потом обнял ее гораздо крепче.

– Как заведенные, – повторил Энджел. – Маргарет, вы правы: кто-то подчинил этих троих своей воле, и потому ваше заклятие так плохо на них действовало. Вы еще слишком неопытны, чтобы перебить чужие чары.

– Н-н-но... может, они просто сумасшедшие уб-б-б... – Она захлебнулась словами. Кто же станет отрезать лицо еще живому человеку?!

– Если б они были просто убийцами, то «замри и смотри» подействовало бы в полную силу. Но кто-то отдал этим людям определенный приказ, и они его выполняли, даже не задумываясь о том, что делают и зачем.

– О боже! – выдавила девушка. – О господи.

Как же ей теперь выйти на улицу, если даже дома ее могут настигнуть?! Любой человек, хоть мама, подчинившись чьей-то воле...

– Я узнаю, кто это, – шепнул Энджел, касаясь щеки Маргарет, – и он об этом пожалеет.

* * *

Был уже двенадцатый час, когда комиссар наконец добрался до морга. Кеннеди оставил ему краткий отчет по осмотру тела; вскрытие назначили на завтра. Бирн успел описать и разложить все вещи покойницы, пока Натан носился между домом Шериданов, домом Лонгсдейла и больницей, куда Рейден отвез трех пострадавших отморожков.

«Отличный конец рабочего дня», – устало думал Бреннон, спускаясь по лестнице. Хотя консультант, конечно, извинился, это дела не улучшило: при допросе комиссар не добился от троицы ничего, кроме бессвязного лепета. Что и неудивительно, если учесть две оторванные руки, ребра всмятку и близкое знакомство с огромным псом. Лонгсдейл, в отличие от своей зверюги, выглядел сконфуженным.

– Но ведь следящие чары сработали, – торопливо сказал он, будто пытался загладить свою ошибку. – Хотя я немного опоздал, мисс Шеридан почти не пострадала.

Натан спохватился и запоздало его поблагодарил. Долг перед консультантом рос как на дрожжах, и комиссар еще раз напомнил себе, какое обещание дал Лонгсдейлу.

У входа в морг Бреннон остановился. Под дверью мелькал слабый, еле уловимый свет, точно кто-то бесшумно ходил по помещению, прикрывая свечу рукой. Но ни Кеннеди, ни его ассистентов там уже давно не было. Натан сунул отчет под мышку, вытащил из кобуры револьвер и осторожно подтолкнул дверь плечом. Она беззвучно приоткрылась, и комиссар заглянул внутрь.

...в тот же миг его обуяло сильнейшее искушение пустить пулю прямо в голову этому гаду! Тот стоял у стола с телом девушки и изучал труп при свете парящего в воздухе круглого

шара. Со стула рядом свисали небрежно брошенные пальто, сюртук и шарф, на угол спинки была набекрень надета шляпа. Как у себя дома, черт подери!

– Не торчите там, как кукушка в часах! – резко произнес пироман. – Либо входите, либо проваливайтесь.

Комиссар, не опуская револьвера, вошел и ногой захлопнул дверь. Чародей смерил Бреннона холодным взглядом.

– Это так вы ее охраняете? – спросил пироман холодно.

– Чего? – Натан тоже оглядел противника с головы до ног. Револьвер в набедренной кобуре, отблеск света на рукоятке кинжала в ножнах на пояснице, флаконы с зельями в ремне, на пальце – кольцо, в жилетном кармане, судя по круглой выпуклости, – часы. Явился во всеоружии.

– Если продолжите в том же духе, то я заберу ее туда, где она будет в безопасности хотя бы от слабоумных защитников.

– Если не отойдете от тела, то я вышибу вам мозги, – процедил Бреннон.

– Давайте, – легко согласился чародей. – Попробуйте. Только сначала посмотрите на труп глазами, а не тем, чем обычно.

Комиссар подошел к девушке; его и пиромана разделял стол для аутопсии.

– Смотрите, – потребовал пироман. – Внимательно, черт подери! Лица нет, ничего не отвлекает.

Бреннон окинул усопшую беглым взглядом. Ни ран, ни увечий, только синяки на запястьях и пара ссадин на ногах.

– Сравните рост, – продолжал чародей, – телосложение, возраст, цвет волос, прикиньте вес...

Натан опустил оружие.

– А, черт, – прошептал он. – Будь оно проклято!

Чародей рывком подался вперед и прошипел:

– Хорошо же вы ее защищаете, а? – Он сгреб в кулак каштановые локоны покойной и ткнул их в лицо комиссару: – Что, нравится?!

– Если бы это была Пег... – механически начал Бреннон и смолк. Господи, если бы это была Пег!..

– О, будь это Маргарет, вы бы уже не дышали!

«Да неужели?» – вяло подумал комиссар, но мысль о пылких чувствах пиромана едва задела его разум. Гораздо важнее сейчас другое...

– Ее перепутали, – тихо сказал комиссар. – Ее или перепутали с Пег, или кто-то охотится на девушек такого типа.

– Да не оправдывайтесь, – выплюнул пироман. – Охотится! Где тогда другие трупы?

– Будут. – Бреннон тяжело опустился на табурет. Он уже видел, как начиналось такое... – Но ведь на Пег напали трое отмороzków с ножом...

– Они пытались отрезать ей лицо.

– Господи, откуда вы... – вздрогнул комиссар и, мигом прозрев, взревел: – Какого черта?! Вы пролезли к ней в дом?!

– Я о ней забочусь. – Пироман набросил сюртук и подхватил пальто и шарф. – Чего вы, очевидно, сделать не в состоянии. Да, кстати, я снял с нее все ваши следящие чары. Еще раз обнаружу – и вы не увидите ее больше никогда.

– Стоять! – Комиссар почти в упор уткнул револьвер в грудь пиромана, но тот и не вздрогнул. Натан даже не понял, как в руке чародея оказался флакон, который пироман затем невозмутимо грохнул об пол. По моргу мигом расплылся плотный белый туман, окутавший Бреннона удушливым одеялом. Закашлявшись, Натан бросился наперерез чародею, ударился о край стола и услышал хлопок двери. Комиссар зарычал, ошупывая (иногда чувствительно натыка-

ясь на окружающие столы и стеллажи) проложил себе путь к двери, врезался в нее плечом и вывалился в пустой узкий коридор. Впереди слышались быстро удаляющиеся шаги, и Бреннон ринулся в погоню. Здесь некуда было свернуть, а в приемной сидел дежурный. Комиссар пулей пролетел коридор, в два прыжка одолел лесенку, ворвался в приемную – и яростно выругался. Пиромана там не было, а дежурный пялился в пустоту застывшим взглядом.

15 февраля

– Простите, – снова повторил Лонгсдейл. – Я не знал, что он придет сюда просто как посетитель. И морг...

– Я помню, – мрачно перебил Бреннон. – Кеннеди вам запретил. Ну и вот результат.

Даже принятый с утра медовый отвар миссис ван Аллен не смог улучшить его настроение. Кеннеди предпочел скрыться с глаз долой, дабы заняться наконец вскрытием после того, как консультант собрал в колбочку остатки порошка. Хотя толку-то с них теперь...

– Вы уже были у мисс Шеридан?

– Пока нет. Сестра запретила ее беспокоить. Ничего, побеспокою сегодня, – с угрозой пообещал комиссар. – Как вы не уследили за своими же чарами?

– Я осматривал место нападения на мисс Шеридан и увлекся. Когда я понял, что чары разрушаются, то было поздно. А в свете его угрозы восстанавливать их небезопасно.

– И вы все еще думаете, что он человек, – процедил Натан.

– Но он не делает ничего, что выходит за рамки человеческих возможностей! – Консультант нахмурился. – Правда, если, как вы говорите, ему около тридцати пяти, то я не знаю, когда он успел получить столько опыта и набраться знаний, чтобы так свободно...

– Вам тоже на вид не девяносто, – едко заметил Бреннон. – Может, и его как-нибудь хитро обработали.

– Но он не такой, как я!

Натана даже позабавило такое искреннее возмущение. Пес, который внимательно обнюхивал остатки порошка, обернулся к хозяину и громко фыркнул.

– Не отвлекайся, Рыжий, – строго велел комиссар.

Животное посверлило его людоедским взглядом и вернулось к изучению единственной улики.

– Рыжий? – недоуменно спросил Лонгсдейл.

– Ну, на Здоровяка и Лапу он не откликался. А звать его как-то надо.

– Зачем?

– А вы что, никак его не зовете?

– Нет, – в некотором замешательстве отвечал консультант. – Он всегда рядом.

«Именно, – подумал Бреннон. – Бессменный охранник. Или конвоир».

Он ни разу не видел, чтобы пес и Лонгсдейл находились далеко друг от друга. А уж чего стоит способность видеть глазами пса...

– Ну ладно. Есть какой-нибудь способ незаметно вернуть следящие чары на место?

Лонгсдейл отрицательно покачал головой:

– Если он навещает вашу племянницу, то при личном общении тут же их заметит. Он профессионал.

– Черт! Ладно, замнем насчет приличий и прочего. Вы сможете спрятать ее у себя в случае чего?

Консультант уставился на Бреннона так обалдело, что комиссар предпочел пока и эту тему замять. Тем более что пес оставил в покое порошок и сел перед Натаном, глядя на него так, словно собирался сообщить крайне неприятную новость.

– Я... я бы не рискнул допускать ее в мой дом, с лабораторией и библиотекой, потому... потому что она колдовала, – сознался Лонгсдейл.

Бреннон едва не захлебнулся медовым отваром.

– Чего?!

– Она использовала заклятие «замри и смотри». Оно действовало на бандитов очень плохо, но все равно благодаря ему я успел вмешаться. Странно, – вдруг задумался консультант.

тант, – почему оно так плохо сработало? Может, Маргарет и неопытна, но заклятие простейшее...

– Эта сволочь учит ее колдовать, – тихо сказал Бреннон. – А значит, паскудному выродку что-то от нее надо. Значит, она по доброй воле, без принуждения... – Он стиснул зубы. Все это время! Милая крошка Пег!

– Какое странное было чувство, когда я увидел ее с теми бандитами, – пробормотал Лонгсдейл. – Словно кто-то вел меня, как марионетку, я чувствовал... такую жгучую ярость тут. – Он коснулся груди. Его глаза затуманились, как в полусне.

Пес нетерпеливо застучал хвостом по полу. Бреннон в удивлении поскреб баки.

– Вы оторвали одному руку, а второму сломали две трети ребер, пока ваш пес отъел конечность третьему. Вы имеете в виду, что такое поведение для вас нехарактерно?

– Да, – Лонгсдейл сморгнул дымку. – Это то, что вы называете «появлением другого»? Я раньше никогда не задумывался...

Рыжий в нетерпении пнул комиссара задней лапой.

– Вам вспоминается что-нибудь? Имя, фамилия, название места, лицо какого-нибудь человека?

– Нет, – ответил Лонгсдейл. – Ничего подобного.

«Интересно, узнает ли он пиромана, если увидит?»

– Ладно, оставим это пока. Что можете сказать о нападавших?

– Они находились под гипнотическим воздействием. До того, как ощутили боль. Но, к сожалению, пока они не придут в себя и я их не осмотрю, нельзя ничего сказать точнее.

– Это мы устроим, – кивнул Бреннон. – Перейдем к пункту два. Визит пиромана.

– Я не могу зачаровать весь департамент от посторонних. Это просто бессмысленно: здесь все время много новых людей. Но я установил следящие амулеты всюду, кроме морга и... и приемной, – со вздохом признался консультант. – Потому что...

– В морге Кеннеди, а в приемной толчется толпа народу, за всеми не уследишь, – буркнул комиссар. – Чем наш гад и воспользовался. Какого черта он полез именно в морг – ума не приложу, но я застал его именно там.

– Вы думаете, что он прав?

Бреннон потер баки.

– Не знаю, – наконец неохотно сказал он. – Но я оказался бы признателен, если бы вы посмотрели на труп. В нем на первый взгляд нет ничего сверхъестественного, но... но мало ли.

– Хорошо. Вам не кажется, что на мисс Шеридан могли напасть враги этого чародея?

– Ему, видимо, не кажется, – злобно ответил комиссар. – А вот мне уже кажется все что угодно. Ей-богу, я уже хочу, чтоб это оказался обычный полоумный маньяк.

Пес тихо сочувственно посопел.

* * *

Едва переступив порог больницы, Бреннон уловил витающее в воздухе напряжение. Персонал жался по углам, а то и вовсе разбегался в стороны, словно опасаясь, что комиссар начнет зверствовать прямо с порога.

«А у меня есть для этого повод?» – хмуро подумал Натан, увидев главного врача, который лично спешил ему навстречу. Старичок был бледен и явно напуган.

– Прошу прощения за небольшую задержку, сэр... – начал он.

– Задержанные пригодны для разговора?

– Ну, видите ли, сэр...

– Вы что, все еще накачиваете их морфином?

– Н-нет, сэр, боюсь, надобность в этом уже отпала.

– Бойтесь? – медленно повторил Бреннон.

Главврач принялся лихорадочно протирать пенсне.

– Понимаете, конечно, их травмы и серьезнейшая кровопотеря...

– Короче!

– Мы нашли их мертвыми сегодня утром, – скороговоркой выпалил врач.

– Черт побери!

Клерк за стойкой дернулся всем телом, доктор отшатнулся.

– Стоять. – Комиссар уставился на целителя, и тот мигом покрылся испариной. – В каком это смысле вы нашли их мертвыми? Вы не знаете, от чего они умерли?

– Нет, – прошептал врач. – Они просто умерли и все. Без всякой причины. Клянусь, сэр, и готов созвать комиссию из самых лучших специалистов, чтобы они подтвердили: вашим подопреваемым оказали всю необходимую помощь! Наиболее тяжелым было состояние пациента с раздробленными ребрами, но двое других...

– Где? – процедил Бреннон.

– Мы увезли их в больничный морг, сэр.

– Отлично. Ходу!

Врач покорно засеменил впереди, не замолкая ни на минуту:

– Сэр, во время революции, видит бог, я обработал больше оторванных конечностей, чем извлек пуль! Я совершенно уверен в работе своих врачей и гарантирую, что эти двое получили надлежащую помощь...

– От чего же тогда они умерли? – сквозь зубы спросил комиссар, хотя уже догадывался об ответе.

– Я не знаю, сэр. – Доктор с трудом пытался открыть тяжелую дверь морга, и Натан нетерпеливо рванул ее на себя. Поддрагивающий палец врачевателя указал на три топчана, укрытые старыми простынями. Бреннон сорвал их одну за другой; из-под третьей на пол выпорхнула записка.

– Она лежала на груди пациента, – сообщил врач. – Мы оставили все, как было.

Натан развернул лист и в первую же секунду узнал почерк. От ярости в глазах на миг потемнело, и, лишь придя в себя, комиссар разобрал три строчки:

«Это не я.

Нашел их такими.

Mortiferum somno».

Эта записка от пиромана не сгорела – видимо, его желание оправдаться было сильнее, чем тяга к уничтожению следов.

– Можете перевести? – Бреннон ткнул врачу под нос записку.

Тот торопливо нацепил пенсне.

– Mortiferum somno – смертельный сон в переводе с латыни. Это... это диагноз? – недоверчиво уточнил доктор. – Но такой болезни нет! Есть летаргия, которая...

– Болезни нет, – прошипел комиссар, – а вот какая-то дрянь есть. Кто дежурил вчера с того момента, как я уехал?

– Эм... я узнаю в регистратуре.

– Найдите их. Всех медбратьев, всех врачей, всех работников вплоть до поломойки и сторожа. Мы допросим каждого.

– Мы?

– Мы, полиция Блэкуита, – отрезал Бреннон. – Тут место преступления.

* * *

Консультант со своей квадратной лупой исследовал пол вокруг кроватей, перевернул все белье, изучил стены – но уже по его лицу Натан понял, что старается Лонгсдейл лишь для очистки совести. Когда он наконец покачал головой, комиссар даже не выругался. Мимо него пронесли три тела, укрытые простынями. Он протянул консультанту записку.

– Письма шлет, – проскрипел Бреннон. – Словно я ему друг по переписке.

– Это не он, – изрек Лонгсдейл и осторожно лизнул краешек письма. – Отпечаток, лежащий на заклитии, принадлежит не ему.

– А кому?

Консультант пожал плечами.

– Я не знаю этого человека лично. Иначе опознал бы по отпечатку.

– Отличный способ заткнуть рот, – буркнул Бреннон. – Денек – вообще охренеть. Еще вчера у нас был всего один изуродованный труп, а сегодня – аж целых четыре.

Лонгсдейл смущенно потупился.

– Отправляйтесь в департамент, поможете Кеннеди со вскрытиями. Вы еще не осматривали девушку?

– Нет. Кеннеди пока не закончил.

– Бирн!

– Да, сэр? – отозвался детектив.

– Ты за старшего. Допроси вместе с Галлахером в этой больнице всех, включая слепых, глухих и слабоумных. Хоть кто-то же должен был, черт возьми, заметить этого типа! Лонгсдейл, я хотел бы ненадолго позаимствовать вашего дворецкого.

– Конечно, – немного удивленно ответил консультант. – Берите. А зачем?

– Намерен поговорить с крошкой Пег, – процедил комиссар. – А заодно выяснить, через какую дыру к ней шастает пироман.

Высадив Джен у калитки для слуг, Бреннон доехал до главного входа и отпустил полицейский экипаж. Дворецкий провел комиссара в гостиную, где уже заканчивался ремонт после разрушений, учиненных ифритом (и чертовым пироманом!). Вообще-то вид новых окон и обоев вызвал у Натана нечто вроде угрызений совести. Без вмешательства пиромана здесь осталась бы одна общая могила – не меньше шестнадцати человек были обязаны ему жизнью.

«Странный», – подумал Натан, хотя это слово едва ли могло описать пиромана во всей полноте. Что им движет? Почему он все это делает? Отчего убил Джейсона Мура и Грейса? Зачем ему Маргарет? С какой стати он учит ее заклитиям?! К счастью, в гостиную, прервав его размышления, вошла миссис Шеридан. С первого же взгляда на сестру Бреннон понял, что его тут уже ждали.

– Наконец-то! – заявила Марта. – Где тебя носило столько времени?

– Работа, – ответил Натан. В общении с ней он всегда придерживался правила «Говори кратко – уходи быстро». – Где Пег?

– Пег все еще в постели. Доктор запретил ей вставать, потому что твоя племянница перенесла тяжелое потрясение!

– Не может быть, – процедил Бреннон. – Как же она выжила?

Глаза миссис Шеридан угрожающе сузились.

– Не смей так говорить в моем доме. Ты можешь как угодно относиться к любым пострадавшим, но здесь я не допущу неуместного цинизма.

– Я не отношусь к ним «как угодно», но в результате того, что Пег бродит по всяким помойкам совершенно без присмотра...

– Ты будешь указывать мне, как воспитывать дочь, когда заведешь свою!

– ...в результате, – продолжил Натан, – у нас четыре изуродованных трупа, и твоя дочь станет пятым, если наконец не начнет говорить правду.

– Правду? – удивленно переспросила миссис Шеридан. – В каком смысле – правду? Ты... ты на что еще намекаешь?!

– На то, что намерен допросить ее здесь и сейчас, и будь благодарна за то, что я не вызвал ее в департамент.

– Благодарна?! – пронзительно воскликнула миссис Шеридан. – У тебя хватает наглости говорить, что Пег как-то причастна к...

– Марта, – устало вздохнул комиссар, – в нашем морге лежит труп девушки, которой в кашу разбили камнем лицо, и ее телосложение, цвет волос и возраст – один в один с твоей дочерью.

Миссис Шеридан побледнела и опустилась в кресло. Бреннон поворошил кочергой угли в камине, радуясь короткой передышке. Он меньше всего хотел устраивать дознание в доме сестры, но Пег не оставила ему выбора. Ради ее же безопасности.

– Ты сказал Джозефу? – тихо спросила Марта.

– Пока нет.

– И ты думаешь, что кто-то... кто-то... о господи, но почему?! За что?!

– Я должен с ней поговорить. Я ни в чем ее не обвиняю, кроме глупости и безрассудства, но я должен знать все о том, что она делала за последние сутки.

– Ты сможешь ее защитить? Ты или твой консультант?

– Надеюсь, – буркнул Бреннон.

«Если она не станет мне мешать».

Марта ушла. Натан остановился перед окном, сунув руки в карманы. Эта необходимость – лгать им ради их же спокойствия – его угнетала. Но, в конце концов, он не имеет права разрушать покой их семьи до тех пор, пока не убедится в том, что Маргарет справилась с этим сама.

– Добрый день, дядя.

Девушка выглядела усталой, бледной и измученной, под глазами лежали голубоватые тени, а за манжетами Бреннон заметил синяки и край пореза, уходящий под рукав. Натан смягчился.

– Садись.

Маргарет опустилась в кресло и зябко укуталась в большую темную шаль. Светло-серое, в крупную коричневую клетку платье волнами легло вокруг нее, словно ограда.

– Как ты себя чувствуешь?

– Не очень. Спала почти до одиннадцати и все равно не выспалась.

– Расскажи мне обо всем.

Маргарет подняла на него большие темные глаза и пристально взгляделась в лицо. Между ее бровей появилась морщинка.

– Разве мистер Лонгсдейл уже не сказал все, что надо?

– Да. Но он свидетель, а ты – потерпевшая. Он не видел, с чего все началось.

Она пошевелилась в кресле, словно хотела отодвинуться подальше.

– То есть ты возьмешь у меня показания? Но зачем? Разве этих людей... ну... не отвезли в больницу? Они ведь под присмотром и не сбегут?

– Нет. Но мне нужны твои показания как жертвы. Ты же не хочешь, чтобы у мистера Лонгсдейла были неприятности?

– Отчего они у него будут?

– Если мы не подтвердим, что он тебя защищал, его действия квалифицируют как нападение с нанесением тяжким увечий.

Маргарет усмехнулась так, что Бреннон тут же понял: она не поверила ни одному слову.

– Я поехала прогуляться с мисс Тэй и решила заглянуть в аптеку...

Бреннон слушал, записывал в блокнот ее показания и размышлял над вопросом, который мог задать ей уже давно. Но что будет потом? Когда (если!) она на него ответит?

– Эти люди не показались тебе странными? Ты заметила что-нибудь необычное?

Маргарет откинулась на спинку кресла, не сводя с Натана внимательного взгляда. В полумраке, при красноватом свете огня в камине, ее глаза на бледном лице казались больше и гораздо темнее. Наконец она медленно произнесла:

– Сначала мне показалось, что они были пьяны. Они так странно себя вели! Но потом... потом я поняла, что ни от одного из них не пахло алкоголем.

– Ты уверена? – насторожился комиссар. – Ты заметила, чем от них пахнет, в тот момент, когда они пытались тебя убить?

– Они находились очень близко, – сухо ответила Маргарет. – Но ты, конечно, вправе не верить. Доказательств у меня нет. Может, мистер Лонгсдейл скажет, что с ними такое было, когда их допросит.

Бреннон помолчал, глядя на нее. В конце концов, разве не Маргарет стояла рядом с пироманом, когда тот сжигал Джейсона Мура?

– Лонгсдейл не сможет их допросить. Они все мертвы.

Она вздрогнула всем телом:

– Почему? Их кто-то убил? Тогда зачем ты мне соврал?

Бреннон окинул девушку долгим, внимательным взглядом. На скулах племянницы выступил бледный румянец, дыхание сбилось, и она подалась вперед, вцепившись в подлокотники. Наверняка сразу подумала о своем пиромане, вместо того чтобы задрожать от страха и ужаса, как положено нежной юной леди, от одного слова «убийство».

– А зачем ты мне врешь?

– Я? – резко спросила Маргарет. – Когда это?

– Я знаю, что ты колдовала, Пег.

Она слабо дернулась, и румянец расплылся со скул на щеки.

– Дядя, ты о чем? – довольно дерзко осведомилась предположительно невинная девица. – Ты, прости, в своем уме? Какое еще колдовство?

– Маргарет, не лги мне, не выкручивайся и не притворяйся. Лонгсдейл знает, что ты это сделала. – Натан пролистал блокнот. – «Замри и смотри», как он сказал.

Она ничего не ответила, хотя Бреннон ожидал возмущения, отрицания, слез, криков, еще какого-нибудь вранья. Маргарет снова откинулась на спинку кресла, слегка запрокинув голову на подушечку, и прикрыла веки. Она была взволнована – из-под ресниц лихорадочно блестели глаза – и поглаживала длинными тонкими пальцами подлокотники, обводя резьбу по дереву. Румянец почти сошел с ее лица, но вдруг на губах появилась насмешливая улыбка.

– Маргарет! – резко прикрикнул комиссар в попытке припугнуть ее.

– Да, использовала, – усмехнулась девушка. – Не боишься, что и сейчас что-нибудь использую?

– Ты мне угрожаешь?

– Нет. Я просто интересуюсь.

Натан встал и навис над девушкой. В Маргарет появилось что-то новое, чего он раньше не видел или не замечал. «Она не может быть такой с рождения, – подумал Бреннон. – Все дело во влиянии проклятого пиромана!» Вот только это не утешало ни черта...

– Кто, – медленно и раздельно проговорил он, – этому. Тебя. Научил?

Она вжалась в кресло и побледнела, но промолчала.

– Пег, я говорю серьезно. Отвечай, кто научил тебя этой дряни?

– Этой дряни? – повторила Маргарет, и ее глаза вдруг гневно вспыхнули. – Я жива только благодаря этой дряни! Они заживо разрезали бы меня на куски, если бы не «замри и смотри»!

Всего несколько секунд – вот что я выиграла с помощью этой дряни – себе и твоему консультанту!

Бреннон отступил от нее. Маргарет вся напряглась, с силой вцепилась в подлокотники и смотрела на него исподлобья, словно кошка перед прыжком.

«Может, ее подменили? – подумал комиссар. – Может, и подменыши фейри тоже существуют?»

– Пег, просто назови его имя.

– Имя! – прошипела девушка. – Конечно, уж не ради моего блага вы установили за мной слежку! И кого же вы хотите поймать? Барабашку?

– Кто сказал тебе о слежке?

– Не надо, – презрительно отозвалась Маргарет. – Я не поверю в то, что твой консультант совершенно случайно шел в ту же самую аптеку.

«Какого черта я вообще сдерживаюсь?» – с горечью подумал Бреннон. Комиссар сел в кресло напротив, положил на колено блокнот и стал неторопливо писать.

– На этом все? – осведомилась Маргарет. – Могу идти?

Не отрываясь от записей, Натан равнодушно спросил:

– Зачем убили Душителя? Можешь не молчать. Он оставил записку.

– Душитель?

– Твой чародей.

Маргарет потупилась, разглаживая складки на юбке.

– Он нанес на твою руку заклятие, которым ты пометила Душителя, чтобы твой пироман мог его найти. Ты думаешь, мистер Лонгсдейл этого не заметил?

Девушка молчала. Она размышляла о чем-то – но Натан не мог угадать, о чем именно.

– Зачем он тебя туда привел? – продолжил допрос комиссар.

Маргарет заметно вздрогнула, уставилась на него наполовину изумленно, наполовину настороженно – и тут же поняла, что выдала себя, вспыхнула и завернулась в шаль, сердито нахохлившись.

– Зачем? Показать горящего человека? – Бреннон бросил блокнот на столик и придвинул к ней кресло. – Тебе понравилось? Это такое увлекательное зрелище для юной леди? Не сомневаюсь, ему доставляют удовольствие подобные вещи, но тебе...

– Нет! – яростно отрезала Маргарет. – Ему не доставляют!

– Откуда ты знаешь?

Она снова залилась бледным румянцем и с досадой стукнула кулачком по подлокотнику.

– Кто он такой? Ты встретила его еще тогда, у дома Лонгсдейла? – не сбавлял темпа Бреннон.

Она сжала губы.

– Встретила, не так ли? – мягко продолжал комиссар. – В первый раз? Во второй? Сколько раз вы встречались? Почему он пришел, чтобы защитить твой дом, Пег? Что он просил у тебя взамен?

Маргарет молчала. Бреннон тихо вздохнул.

– Он ложился с тобой в постель?

Она залилась жгучей краской и встала.

– Это уже просто оскорбительно! Я что, преступница, раз меня допрашивают, словно уличную девку?

– Пег! Это не шутки! – прикрикнул комиссар.

– А я и не шучу, – холодно ответила племянница. – В конце концов, раз вы переписываетесь, отчего бы тебе не задать ему все интересующие вопросы?

Она направилась к двери; Бреннон схватил девушку за локоть и рывком развернул к себе.

– Безмозглая девчонка! Я хочу знать, что он с тобой сделал, прежде чем он тебя обрюхатит!

Маргарет вдруг побледнела. Натан даже не успел удивиться тому, как знакомо вспыхнули ее темные глаза и раздулись тонкие ноздри; девушка прошипела:

– Он хотя бы научил меня тому, что спасло мне жизнь! Можешь похвастаться тем же? Там был не ты, а твой консультант, и ты не имеешь права требовать от меня ни одного ответа!

Она вырвалась и стремительно вылетела из гостиной, оставив Бреннона в немом изумлении. Почти сразу же в комнату проскользнула Джен, покосилась вслед мисс Шеридан и сказала:

– Все впустую. Я не могу даже подойти к ее двери. Кто-то крепко позаботился о том, чтобы оградить вашу крошку Пег от таких, как я.

– Кто-то! – прорычал комиссар. – И я отлично знаю кто!

* * *

Натан, уткнувшись в сцепленные руки, сидел в самом темном углу «Раковины», предавался горестным размышлениям, и даже дивные ароматы еды и напитков не могли их развеять. Этот допрос оказался одним из самых провальных в его практике. Ни имени преступника, ни мотива, ни каких-либо ценных сведений – только обозленная свидетельница. Молодец, Бреннон, шуруй дальше!

«Не могла же она быть такой всегда... она не была такой! Это он с ней творит какую-то чертовщину!»

Не могла его крошка Пег стать такой всего за месяц! Значит, он где-то ошибся, задал не тот вопрос, взял не тот тон...

– Вы не пьете. – Миссис ван Аллен опустила на стул напротив. – Ваш кофе остыл.

Натан равнодушно взял чашку. Он помнил, зачем пришел, хотя сейчас его грызли совсем другие вопросы. Но с ними Валентина ему ничем не поможет...

– Скажите, вы ничего не чувствуете? В городе происходит что-нибудь странное?

Вдова удивленно нахмурилась:

– Странное? Ну, вообще нет, а что вы имеете в виду?

– Что-то вроде того, что было с Душителем или утбурдом.

– Нет. То есть ничего сверх обычного. Почему вы спрашиваете?

Бреннон потер баки.

– Трудно сказать. Не хочу беспокоить вас подробностями.

– Натан, мне кажется, я лучше побеспокоюсь сейчас из-за подробностей, чем потом из-за какой-нибудь твари с той стороны.

– Произошло убийство, на первый взгляд обычное. – Комиссар коротко описал случившееся. – В парке Свободы нет ничего такого, ну, как было в церкви?

– Нет, я не замечала. Я присматриваю за парком, и в последнее время там не ощущалось ничего дурного. Но вас тревожит что-то еще.

– Это Маргарет, – вздохнул Бреннон. – Моя племянница. Мисс Шеридан.

– Да, я слышала, на нее напали...

– Убитая девушка слишком на нее похожа, – угрюмо сказал Бреннон, – и есть подозрение, что на Пег напали неспроста. Но допросить некого: все трое бандитов мертвы. Их умилили каким-то заклятием.

– Вы сможете защитить вашу племянницу? – с некоторым волнением спросила Валентина.

– Защитить! – горько воскликнул Натан. – Да ее уже и так защищают, чтоб этой паскуде сдохнуть от чумы!

– То есть? – нахмурилась вдова. – О ком вы? О вашем консультанте?

– Да если бы, – буркнул комиссар. – Я был бы счастлив, если б он...

– Но тогда я не понимаю...

И тут его прорвало. Бреннон так и не понял, почему вдруг выложил ей все, едва выбирая выражения, с трудом сдерживаясь, чтобы не зарычать – от бессилия, злости на эту маленькую дуру, бешенства, которое в нем вызывал проклятый пироман, а больше всего – от стыда за то, что до сих пор ни слова не сказал сестре, потому что боялся... Валентина терпеливо выслушала его и, когда он наконец заткнулся, облегчив душу, сказала:

– Вы все же неправы. Маргарет приезжала в кафе, видимо, перед визитом в аптеку и тогда еще была девственницей.

Сперва Бреннон ощутил огромное облегчение. Пару секунд он не желал воспринимать ничего, кроме этого восхитительного чувства, словно он пер в гору мешок с дерьмом и вдруг мешок внезапно исчез. Правда, гора осталась.

– Откуда вы знаете? – подозрительно спросил комиссар.

– Чистейшая невинная кровь, – отвечала вдова. – Все такие, как я или как Джен, чувствуют ее издалека.

– Господи, – с чувством сказал Натан, – я кретин!

– Да, – подтвердила Валентина, но ее улыбка все же смягчила приговор. – Надеюсь, теперь вы понимаете, отчего получили от нее такой ответ?

Пинок под дых мигом вернул комиссара с небес на землю. Пегги – невинная гордая девочка, еще бы она не сочла себя оскорбленной! И она же прямо ему об этом сказала, а он...

– Я вел себя как тупая свинья, – вздохнул Бреннон; облегчение было все-таки слишком велико, чтобы так сразу с ним расстаться. – Господи, что я ей наговорил! Марта убьет меня, если только узнает.

– Ну, у вас есть оправдание.

Комиссар снова нахмурился. Н-да, пироман-то никуда не делся. То, что он пока не посягнул на девичью честь, никак его не оправдывает.

– Зачем он вообще таскает Маргарет с собой? – пробормотал Бреннон. – Какой ему прок в семнадцатилетней девчонке? Разве что шантажировать меня ее жизнью...

– Но он не шантажировал, – возразила миссис ван Аллен. – Он сказал, что заберет ее в безопасное место.

– Это одно и то же, – отмахнулся Натан. – Отнять ее у родителей, чтобы держать нож у ее горла было сподручней.

– По-моему, вы неправы. Если бы он хотел ее забрать, то он бы уже давно это сделал, не предупреждая вас.

– Логично, – признал Бреннон. – Но тогда я его совсем не понимаю.

– Почему он вам так не нравится?

Комиссар поперхнулся:

– Что значит – почему?! Он портил мне расследование как мог, влез в департамент, проник в дом отца Грейса, чуть не спер улики, убил Душителя, когда мы того уже почти взяли!..

– И это мешает вам взглянуть на дело трезво. – Валентина коснулась чашки; над кофе снова пошел ароматный дымок. – Равно как и ваши родственные отношения с Маргарет.

– С чего вы его так защищаете? – подозрительно спросил Бреннон.

– Я не защищаю. Но то, что вы не можете объективно взглянуть на ситуацию, мешает вам правильно ее оценить.

– И как же, по-вашему, правильно?

– Маргарет вам уже сказала.

– Она призналась, что видится с ним.

– Потому что он взял ее в ученицы.

– Чушь! – вскричал комиссар; несколько посетителей недовольно обернулись на него. – Чушь, – тише продолжил он. – Будь Пегги мальчиком – возможно, но с какой стати ему учить чему-то девушку? Зачем ему вообще это делать?

– Вы, видимо, невысокого мнения о женщинах, – с холодком заметила Валентина.

– Но я не имел в виду вас, – запротестовал Натан, чувствуя себя все более неуютно под ее взглядом. – Вы же... ну, вы и Джен... ну вы же не... не люди, – шепотом закончил он. – А Пегги – обычная человеческая девушка. Да господи, она едва в состоянии запомнить *Pater Noster*, чего уж говорить о чем-то посложнее!

– К вам пришли, – сухо сказала Валентина. – Ваш консультант ждет вас снаружи.

Он осознал, что чем-то ее обидел, но не смог взять в толк – чем, а потому быстро допил кофе, неловко пробормотал «До свидания» и, оставив деньги за обед, заторопился на выход.

По лицу Лонгсдейла, а также по морде Рыжего Натан сразу понял, что вести хреновые.

– Что стряслось?

– Пироман был прав. Троих бандитов убили *Mortiferum somno*. А вот девушку...

Внутри комиссара что-то екнуло.

– Погодите, разве удары камнем по лицу...

– Это не причина смерти. Девушка была совершенно здорова – нет ни внутренних повреждений, ни следов яда в тканях. Я очистил от тканей остатки ее черепа. Судя по состоянию кости, лицо ей разбили уже после смерти. Геморрагическое окрашивание указывает...

– Короче, – с тоской велел Бреннон. Он уже знал, что сейчас услышит. – Это заклинание?

– Нет. Это не заклинание. Это просто магия.

– В смысле – просто магия? Как это?

– Просто магия, – повторил консультант. – Как у ведьм и колдунов.

– Так что, девушку убил колдун? Или ведьма?

– Нет. – Лонгсдейл провел рукой по лбу. – Я не знаю. В том-то и дело. Ее убили с помощью магии, но я не знаю как.

18 февраля

Мороз кусал за уши и щеки; Виктор ван Аллен поднял повыше воротник и пониже натянул шапку. Он редко позволял себе так бесцельно бродить до ночи, тратить время без всякой пользы, но сейчас ему было необходимо уединение и долгая, долгая прогулка.

С той самой ночи, когда мисс Шеридан впервые с ним заговорила, она заезжала в кафе не меньше дюжины раз, и с каждым разом становилось все хуже и хуже. Это как принимать яд, дозу за дозой, но не умирать, а привыкать к его действию настолько, что в конце концов возникает зависимость. И нужно все больше, и больше, и больше...

Виктор пнул невысокий пушистый сугроб у края дорожки, понимая, что никогда не сможет пригласить мисс Шеридан на прогулку. Кто он, а кто она? Дочь богатого фабриканта, вхожего в высшее блэкуитское общество, – да она просто посмеется! Что он, сын эмигрантки, который все еще говорит с акцентом, сможет ей предложить? Стоять за прилавком в кафе? Считать тюки с чаем и ругаться с мельниками? Работать каждый день с утра до ночи? Да боже мой, она даже не знает, что такое – работать!

«Ну почему? – с тоской подумал Виктор. – Почему нельзя было полюбить трудолюбивую прилежную девушку, ровню по положению?» Почему так тяжело и сладко вспоминать нежный грудной голос, смех, огромные темно-карие очи, золотой отблеск на волнистых каштановых волосах, случайное прикосновение узкой белой ручки, от которого у Виктора темнело в глазах. И ведь нельзя сжать в своей руке длинные тонкие пальчики и шепнуть: «Выпьем кофе за столиком, когда все уйдут?»

Она всегда была веселой, любезной и смешливой, но кто она на самом деле? Что кроется за внешностью эльфийской принцессы? Вдруг лишь пустышка? Боже, если б он точно знал, что это так! Тогда Виктор приказал бы себе не думать о ней, не вспоминать, отворачиваться, когда она приходит... но молодой человек уже понимал, что это ему не под силу. Стоит ей войти, улыбнуться и сказать: «Прекрасный день, мистер ван Аллен! У вас еще есть печенье с корицей?» – и он забудет все данные себе обещания. Она не просто нравилась – она одурманивала, как наркотик. И опьянение после ее ухода долго не проходило, пока счастливая эйфория не сменялась тяжелой тоской.

У развилки перед статуей, символизирующей Свободу, Виктор остановился и тупо посмотрел на две дорожки. Ему хотелось просто идти, не думая ни о чем, а не принимать снова какие-то решения! Снег за спиной захрустел под чьими-то шагами, и Виктор резко обернулся. Наверняка по парку уже ходят зрители, выпроваживая задержавшихся гуляк... хотя, честно говоря, он не имел никакого представления, который теперь час.

Голые кусты скребли воздух тощими ветками, у корней кучками лежал осыпавшийся снег, но никакого зрителя ван Аллен не заметил. Правда, в густой темноте мелькнуло что-то вроде человеческой фигуры, но, может, ему показалось. Вздохнув, Виктор повернулся спиной к Свободе и зашагал назад, к восточным воротам. В конце концов, матушка уже наверняка волнуется. Да и остальные тоже...

Снег захрустел снова, будто кто-то шел вслед, прячась за кустами. Не останавливаясь, ван Аллен обернулся. В тени деревьев, почти сливаясь с ними, двигался смутный силуэт. Выдавал преследователя только негромкий хруст снега. Виктор остановился. Силуэт удалился в глубину парка. Если это зритель, то какой-то слишком застенчивый.

– Э-эй, – позвал молодой человек. – Сэр? Я уже ухожу, не волнуйтесь. Эм... вы не подскажете, сколько времени? Я забыл дома часы.

Ответа не последовало. Виктор с досадой отвернулся и двинулся к воротам. Наверное, он пытался узнать время у какой-нибудь бездомной шавки, которая забрела в парк... шаги слышались снова. И это были определенно человеческие шаги.

Ван Аллен снова оглянулся, не сбавляя ходу. Деревья несколько поредели, и теперь он на мгновение смог разглядеть мужскую фигуру – невысокую, довольно худощавую, в приталенном пальто до колен. Лица не рассмотреть...

Виктора вдруг охватило беспричинное раздражение. Какого черта этот тип за ним тащится? Ему что, заняться больше нечем? Ван Аллен повернулся и сердито крикнул:

– Эй вы! В чем дело?! Что вам надо?

Силуэт замер. Он стоял неподвижно пару секунд, а потом вдруг резко приблизился. В глазах у Виктора все расплылось, в ушах зашумело, голова закружилась, а ноги стали ватными. Из тихого монотонного шума выделился какой-то слабый звук, отдаленно похожий на голос. Он что-то говорил, но молодой человек не мог разобрать – что. Он замотал головой, пытаясь вытрясти из ушей шум, и вдруг все прекратилось. Голова немного кружилась, но наваждение сгинуло бесследно – вместе с незнакомцем.

Виктор протер снегом лицо и глаза. Вдруг до него донесся все тот же звук – шаги, только теперь они быстро удалялись. Ван Аллен подошел к аллее, вдоль которой его сопровождал таинственный преследователь, и увидел глубокие следы ботинок. Раздражение мигом превратилось в злость, и Виктор перескочил через низкую оградку.

Следы вели в глубину аллеи, забирая вбок и прочь от восточных ворот. Аллея расширялась, переходя в парковую полосу, и вскоре Виктору уже казалось, что он бредет сквозь настоящий лес. Вскоре меж деревьев мелькнул свет, и ван Аллен инстинктивно направился к нему. Опустив глаза, молодой человек заметил, что следы ведут туда же.

«Может, этот бедолага просто заблудился?» – подумал Виктор, уже стыдясь своей злости. Конечно, этот тип помешал ему думать о Маргарет и вообще, видимо, был невеликого ума, раз смог потеряться в парке, но... Свет мелькнул и пропал; раздался слабый вскрик.

Виктор вздрогнул и замер. Тишина длилась пару минут; потом свет снова вспыхнул, замерцал и стал удаляться. Ван Аллен бросился вдогонку, забыв о следах. Он бежал, спотыкаясь о корни, стараясь не терять из виду огонек. Наконец молодой человек прорвался к дорожке, выскочил на нее там, где она изгибалась дугой, и понял две вещи. Во-первых, огонек пропал; во-вторых, чтобы заблудиться в парке, вовсе не нужно быть идиотом.

Виктор остановился, растерянно озираясь. Он понятия не имел, где очутился. На изгибе дорожки стояла скамейка, вокруг – только деревья. Ван Аллен, выругавшись, пошел по дорожке – все кругом было одинаковым, так что направление не имело значения. Он шел довольно долго, проклиная дурацкий порыв, из-за которого оказался здесь. Можно подумать, велика важность – какой-то человек в парке! Тьфу!

Наконец деревья слева расступились, и показалась стена, выложенная слоистым камнем. Виктор облегченно вздохнул – теперь он хотя бы знал, что ворота где-то неподалеку. Он пошел по дорожке вдоль стены, мечтая о горячем чае, пока не уловил смутно знакомый запах. Молодой человек сбавил шаг, принюхался и замер. Это был запах из его юности. Он помнил его до сих пор – запах крови, человеческих внутренностей и пожара. Запах погромов.

Виктор вдохнул поглубже и бросился туда, откуда сочилась эта вонь. Она усиливалась, по мере того как ван Аллен приближался к бурно разросшейся глицинии у стены. Кто-то топтался тут до него, оставив на снегу кровавые отпечатки. Виктор перескочил через бело-красное месиво и раздвинул ветви глицинии. Перед ним все потемнело; ван Аллен отшатнулся, упал на колени, и его вырвало.

* * *

Комиссар молча изучал лежащее в снегу тело. При свете фонарей кровь казалась чернилами на скомканной белой бумаге. Вокруг девушки снег превратился в бурю кашу, подта-

явшую от тепла остывающего тела. У корней глицинии растеклась лужа рвоты; две цепочки следов вели в разные стороны – одна к восточным воротам, другая – к пруду.

Натан присел на корточки. Девушка была молода, судя по ее рукам, коже и фигуре; высокая, стройная, с длинными волнистыми волосами каштанового цвета. Лицо разбили камнем до такого состояния, что Бреннона самого замутило. Кругом все было в брызгах крови и мозга. В толстом стволе глицинии застряло несколько кусочков кости.

– Он дошел до пруда, сэр. – Бирн бесшумно возник справа. – Орудие убийства опять утопили. Я отправил трех парней по следу. Слава богу, в половине второго ночи его некому затоптать.

– Хорошо, – кивнул Бреннон и встал. – Займись телом и отпечатками. Я поговорю с парнем.

Детектив кашлянул.

– На мою беспристрастность его фамилия не повлияет, – сухо добавил комиссар. Бирн посторонился и полез под глицинию, оставив комментарии при себе.

Виктор ван Аллен сидел на подножке полицейской кареты и не сводил глаз с полицейских, обступивших тело. Он время от времени судорожно сглатывал – его наверняка еще тошнило. Джен Рейден притаилась в ночи, как кошка, караулящая мышку в лице юного ван Аллена.

– Ну как ты, парень?

– Н-ничего, сп-пасибо, – выдавил Виктор. Вид у него был такой бледный, что Натан вытащил из-за пазухи фляжку с виски и протянул молодому человеку.

– Я не п-пью. – Ван Аллен сжал голову руками и прошептал: – Мне показалось, что это она... чт-то это М-Маргарет... Боже мой!

– Не тебе одному, – буркнул Бреннон, хотя по одежде убитой уже мог сказать, что она была проституткой, работающей на улице.

– Но это ведь не она? – Виктор с надеждой поглядел на комиссара.

– Нет. – Бреннон пролистал блокнот с записями Бирна. – Ты сказал детективу, что гулял в парке, когда встретил кого-то у статуи Свободы. После этого у тебя закружилась голова, в ушах зашумело и...

– Я видел то, что видел, – твердо произнес Виктор; его акцент заметно усилился, и молодой человек заговорил медленней: – Я не сумасшедший и не пьяный. Я отвечаю за свои слова. Я говорю то, что видел.

Бреннон кивнул Джен, и ведьма выскользнула из тени полицейской кареты.

– Больно не будет, – мурлыкнула она ван Аллену. – Смотри мне в глаза.

Одновременно она взяла его за руку, нащупала пульс и слегка сжала. Виктор уставился ей в глаза; постепенно вид у него стал отсутствующим, а взгляд – таким, будто он спал наяву. Но длилось это всего несколько секунд – потом Виктор возмущенно встрепенулся и попытался вырваться.

– Эй! Что ты... вы делаете?!

– Ставлю опыты. – Ведьма выпустила его руку, исподлобья смерила его долгим взором. В черных глазах мелькнула огненная искра, и Виктор невольно отодвинулся.

– Ну? – тихо спросил Бреннон, когда Джен отвела его в сторону. – Это чары? Гипноз?

– Не совсем...

– Что значит – не совсем? Как чары могут быть не совсем чарами?

Девушка перевела взгляд с Бреннона на Виктора и обратно и наконец осторожно сказала:

– Это похоже на гипноз колдуна или ведьмы. Без чар и заклинаний.

– Почему не подействовало?

Джен язвительно фыркнула:

– А вы как думаете? Ваш ван Аллен – ее сын, на него ничего не подействует, кроме удара ломом по темени! Даже яд. Я не смогу его загипнотизировать. Сами видели. Едва успела схватить след.

– Подожди, – нахмурился Натан. – Если ты не справились, то другой колдун тем более... или нет?

– Вообще-то, – задумчиво протянула Джен, – это еще зависит от силы и опыта. Но фокус-то в том, что это был не колдун.

– Откуда ты знаешь?

– Оттуда, – пожалала плечами ведьма. – Вы же отличаете запах курятины от вида котлеты.

– Чего?

– Ну того! – нетерпеливо вскричала Джен. – Вы, люди, когда используете чары, оставляете след, похожий на отпечаток ладони. А ведьма или колдун оставляют запах. Не говоря уже о том, что след включает в себя отпечаток структуры заклęcia. Которыми не пользуется большинство из нас. – Ведьма подчеркнула это слово, чтобы до комиссара быстрее дошло, что она сейчас не о людях. – Мне не нужны заклинания для гипноза. Неужели Лонгсдейл вам не рассказывал?

– Не в таких деталях. Где он, кстати?

– В морге. Работает с черепом первой жертвы.

– Черт подери, – буркнул Натан. Вот и началось: первая жертва, вторая жертва... и сколько еще? – Итак, подытожим: на человека этот гад не похож, но и колдуна ты в нем не признаешь?

– Нет.

– Нежить? Нечисть?

– Ими тут не пахнет. – Джен свела брови. – Я не представляю, какая нежить или нечисть станет так делать. Они могут откусить лицо, оторвать, похитить облик, но на черта им разбивать лицо камнем?

– Слишком по-человечески, – пробормотал Натан. Лица девушек разбили в припадке ярости? Или намеренно, чтобы скрыть... что именно? Личность убитой? Или то, что убийца сделал с ее лицом? – Слушай, – медленно сказал комиссар, – а если для какого-то ритуала нужна определенная часть лица, то Лонгсдейл сможет узнать по этой части – для какого?

– В общем-то нет. – Ведьма поскребла иллюзорную бородку, и Натан быстро отвел глаза. – Ритуалов много. Но мы смогли бы изрядно сузить круг поисков.

– То есть убийца замечает следы, – заключил Бреннон.

– Или он маньяк с припадками бешенства.

– Не похоже. Тебе же пришлось увидеть труп. – Тут комиссару понадобилось некоторое усилие, ведь он, черт побери, разговаривает с девушкой! – Никаких следов насилия, избиений и ран. Только пара синяков на руках. Жертва не сопротивлялась.

– Ее-то как раз можно было загипнотизировать, чтоб не брыкалась, – сказала Джен. – На костях первой жертвы нет геморрагического окрашивания. Если бы убийца забил живую девушку камнем, то кости оказались бы сильно окрашены кровью. Вряд ли этот тип во второй раз сменил способ убийства.

– Короче, причины смерти нет, мотива нет, подозреваемого нет, – мрачно подытожил Бреннон. – Отлично мы начали рабочий день.

– Начали? – поддела Джен. – Вы и предыдущий-то не закончили.

– Не трави душу. Я скоро забуду, как выглядит подушка. Это еще что там?

По дорожке рысью мчался полицейский. Добежав до Бирна, парень остановился, тяжело дыша и отдуваясь. Его взгляд метался между детективом и Бренноном.

– Сэр... нашли... того... Это смотритель!

– Кто смотритель? – резко спросил Натан.

– Смотритель же, сэр! След ведет в его сторожку. Он там сидел и кровь снегом счищал, когда мы его взяли! – Фразы вырывались из полицейского отрывисто, как выстрелы. – Ох! Джойс и Киннар остались при нем, а я сюда, к вам!

– Бирн, Рейден – со мной, – распорядился комиссар. – Сержант Эйр – за старшего. Испортите место преступления – голову оторву!

* * *

Смотритель сидел между полицейскими и тер руки тряпкой, в которой Натан с трудом узнал наволочку.

– Вот, сэр, – сказал Джойс. – Он все время такой.

– Он так сидит с тех пор, как мы его нашли, – добавил Киннар. – На вопросы не отвечает и ничего другого не делает.

Смотритель был сухопарый высокий старик лет за шестьдесят. Из-под шапки со значком парка ключьями свисали редкие седые волосы. Форменное пальто, куртка, брюки и сапоги – все покрыто пятнами крови и мозга. На руках и лице – царапины от осколков костей. Один, мелкий и белый, застрял в ранке поперек носа.

– Что с ним? – спросил комиссар. Джен присела перед стариком на корточки и положила руки ему на запястья. Смотритель даже не шелохнулся. Ведьма взяла его за колючий от седой щетины подбородок и приподняла ему голову так, чтобы смотреть в глаза.

– Думаете, это снова оно, сэр? – тихо уточнил Бирн.

– Оно?

– С той стороны, – сказал детектив. На его лице (на части, способной что-то выражать) отразилась досада пополам с недоверием. Бреннон не мог его осуждать – он иногда задумывался, не пора ли ему самому сдать в ближайшую дурку, а все дела передать Бирну. Из четверых детективов Натан наметил себе в преемники именно его. Ведь, черт подери, комиссар отдела особо тяжких должен трезво и рационально смотреть на вещи!

Взгляд старика постепенно становился осмысленным, хоть и растерянным; хаотичные манипуляции с тряпкой постепенно прекратились. Смотритель уставился на Джен, перевел глаза на окровавленную наволочку, глухо вскрикнул и выронил. Ведьма, не вставая, обернулась к комиссару:

– Глубокий гипноз. Полное подчинение, утрата собственной воли, помрачение рассудка – ну, в общем, весь комплект.

– А-а-а, боже мой! – хрипло заорал смотритель и шарахнулся от тряпки.

Полицейские схватили его, и он, опрокинув табуретку, заполошно забился в их руках.

– Имя, фамилия, место рождения и проживания, род занятий? – начал допрос Бирн.

– Господи, господи! – завывал смотритель, выдираясь из рук полицейских, как полоумный.

– Он помнит что-нибудь? – спросил Бреннон.

Ведьма покачала головой и поднялась:

– Скорее всего, ничего. Но ему и без воспоминаний есть от чего испугаться.

Комиссар огляделся: в тесной прихожей все было покрыто кровавыми отпечатками, начиная с двери и заканчивая корзиной с грязным бельем.

– Ну хватит, хватит. – Бирн, повернувшись к старику правым боком, похлопал его по плечу. – Никто вам не причинит вреда, если вы только сами себя не покалечите, коли будете так дергаться. Видите, полиция уже здесь, и вы под защитой.

– О боже мой, – просипел старик и безвольно обмяк. – Сколько крови... почему я весь в крови? Я умираю? Я ранен? Опять? Когда?

– Вы были ранены? Когда?

– В революцию, – еле ворочая языком, ответил смотритель. – В революцию, сынок... – и без сознания повис в руках полицейских.

– В департамент, сэр? – обернулся Бирн.

– Вези, – тяжело вздохнул комиссар. – Эти двое пусть везут, а ты осмотришь здесь. – Он поманил за собой ведьму и вышел. Кровавые следы тянулись по дороге к камерке смотрителя. Бреннон отправился назад к месту преступления. – Он ничего не вспомнит? – Комиссар без всякой надежды взглянул на ведьму. – Даже если ты с ним поработаешь?

– Не знаю, – неуверенно ответила Джен. – Гипноз – не самая сильная моя сторона.

– Со мной же справилась.

– Вы не ожидали подвоха. И потом, загипнотизировать – это одно, а вернуть память жертве гипноза – совсем другое.

– Это сделал твой сородич? – спросил Бреннон. – Узнаешь руку?

– Нет, – раздраженно огрызнулась ведьма. – Не сородич, говорила же!

– Уверена? Или покрываешь кого?

– Нет! Спросите у Лонгсдейла, если не верите!

– Ладно, не ершись, – примирительно сказал комиссар и сделал в памяти зарубку насчет Лонгсдейла. Ведьма обиженно нахохлилась. – Но если он не колдун, не человек, не нежить или нечисть – то что же это за холера?

– Не знаю, – процедила Джен, – но эта холера очень любит высоких стройных темноволосых девушек вроде вашей Маргарет. Так что я бы на вашем месте задумалась насчет ее приятеля-чародея. Пока не поздно.

* * *

В морге опять припахивало – все тем же незабываемым ароматом вываренных костей. Правда, на сей раз куда слабее, и, осмотревшись, Бреннон мигом понял – почему.

– Вы вконец охренели?! – рявкнул он.

Две головы – седая и черноволосая, склонившиеся над микроскопом, поднялись одновременно: наука в лице Кеннеди и магия, представленная Лонгсдейлом, заключили перемирие.

– Какого черта, – продолжал комиссар, все больше распаляясь, – вы отрезали голову?! Что мы покажем родне покойной на опознании? Труп со следами полицейского произвола?!

– Молодой человек, – строго сказал Кеннеди, – мы ищем для вас улики.

– Какие там могут быть улики?

Пес схватил комиссара за полу сюртука и потянул к чудо-прибору. Бреннон неохотно подошел.

– Видите? – Лонгсдейл освободил ему место. – Вот, смотрите сюда. Видите этот след на остатке нижней челюсти?

– Ну, вижу, – буркнул Натан, глядя в окуляр. – И что?

– Сравните с другими следами. Вот эти оставил камень. В кости даже застряли несколько каменных крошек.

– Хм-м-м, – отозвался комиссар уже без прежнего скептицизма. – Они разные.

– Именно! – торжествуя заключил Кеннеди. – След на нижней челюсти оставлен острым ножом типа скальпеля. Точнее определить я, увы, не смогу, но вот примерные образцы. – Он вручил Натану коробочку с набором хирургических скальпелей.

– Однако. – Бреннон достал один скальпель и приложил к кости. – Недурно поработали. Вот что хотел скрыть этот тип.

– Он срезал часть лица жертвы, – сказал Лонгсдейл. – Судя по расположению этого следа, скорее всего, срезана щека. Или часть щеки. Но я не понимаю зачем.

– То есть срезанные щеки не используются ни в каком магическом ритуале?

Консультант покачал головой, Кеннеди яростно фыркнул:

– По крайней мере, этот маньяк не верит во всякую чушь!

– Иногда используются скальпы, часто – глаза, губы или языки, весьма редко – носы, но щеки... Я просмотрю свои книги, но не уверен, что найду нечто похожее. Я никогда не встречал ритуала, в котором потребовались бы именно щеки.

– Прежде чем вы опять займетесь этой ерундой, – перебил патологоанатом, – я спешу сообщить, что щеку срезали после смерти бедняжки. Но, к сожалению, причина смерти мне все еще неизвестна. – Старичок бросил на консультанта презрительный взгляд. Магические объяснения Кеннеди с негодованием отвергал.

– Значит, мучения жертв его не интересуют. Зато интересуют щеки. Лонгсдейл, зайдите ко мне, когда закончите здесь. Кеннеди, вам везут второй труп.

– Второй? – встрепенулся патологоанатом.

– Состояние, в котором мы нашли тело, полностью совпадает с этим. – Комиссар кивнул на труп, укрытый простыней. – Так что я бы на вашем месте не радовался. Эти две жертвы явно не последние.

– Маньяк, – тихо повторил старичок.

– Он самый.

Бреннон помрачнел. Он не делал разницы между обычным полоумным убийцей и тем, кто режет женщин ради волшебства – разве что второго будет труднее поймать. По опыту комиссар знал, что им едва ли удастся вздернуть эту паскуду до того, как он прикончит еще кого-нибудь.

«Маргарет», – вспомнил Бреннон и тихо вздохнул. Единственное, что хоть немного утешало комиссара, – маньяк все же охотится не персонально за ней. Он охотится за всеми, кто хоть немного на нее похож.

* * *

– Ваш дядя был прав, – сказал Энджел, – а я ошибался. Нашли еще одно тело.

– Еще одна девушка? – спросила Маргарет. Он кивнул. – Похожая на меня? – решила уточнить мисс Шеридан.

Энджел снова кивнул и, скрестив руки на груди, отвернулся к окну. Комнату освещала только луна, и он, стоящий посреди белого квадрата, вдруг показался девушке слишком хрупким для всего этого: нечисти, нежити, заклятий и маньяков-чародеев. Он не уступал в росте мистеру Лонгсдейлу, но был даже не худощавым, а худым, хотя (Маргарет слегка покраснела) на ощупь таким же жилистым, как большой дикий кот. Другое дело консультант: она помнила, как легко он ее нес и сколько нечеловеческой силы заключено в его руках.

«Нечеловеческой, – подумала девушка. – А Энджел – человек».

– Вы не виноваты, – шепнула она, коснувшись его плеча.

Гость повернулся к ней. В лунном свете его волосы и глаза казались совершенно черными, а лицо – бледным, как у призрака, с заострившимися скулами и крючковатым носом.

– Виноват. Я должен был убить их. – В его глазах вспыхнул холодный жестокий блеск. – И еще до того, как они вас тронули.

Он провел пальцами по щеке Маргарет, и это прикосновение оказалось удивительно нежным, если учесть, как злобно он посмотрел на руки девушки, с которых еще не сошли синяки.

– Я пришел к ним, но поздно, – процедил Редферн. – Кто-то прикончил их до меня и слишком милосердно. На что я гожусь, – глухо и раздраженно добавил он, – если не вижу того, что под носом!

– Но вы ведь не охотник, – ласково заметила Маргарет, – вы сами мне говорили. Вы делаете все эти нужные охотникам вещи, но не охотитесь сами.

– Но я могу себя защитить и, значит, должен защитить вас.

Девушка снова порозовела. Слышать такое оказалось гораздо приятней ухаживаний, которыми допекали ее претенденты на руку, сердце и приданое. Маргарет накрыла пальцы Энджела своими и прижалась щекой к его ладони. Он так сильно вздрогнул, будто девушка его укусила.

– Я жива благодаря тому, что вы научили меня «замри и смотри», – с нежностью сказала она. – Не надо так... так самобичеваться.

Редферн молча смотрел на нее; от его взгляда Маргарет смутилась и растерялась, потому что никто раньше не глядел на нее так пронзительно, жадно и... и заботливо одновременно. Маргарет стало неудобно, и она потупилась. Энджел отступил от нее.

– Вы – уцелевшая жертва. Они снова будут вас допрашивать.

– Я ничего не скажу, – упрямо ответила девушка. – Про вас.

– Я знаю, – на удивление мягко произнес он. – Я знаю, что не скажете, а комиссар все же не станет допрашивать вас с пристрастием.

– С чем? – заинтересовалась Маргарет.

– А кроме того, – деловито продолжал Энджел, подхватив сюртук с ее кровати, – ему уже не до меня. Но, пока он ведет расследование с помощью полицейских методов, я займусь этим делом с помощью своих.

– А я? – жалобно вскричала мисс Шеридан.

– Вы все еще в опасности – наверняка убийца знает, что вы выжили, и ждет подходящего момента, чтобы довести дело до конца.

– Поэтому я должна сидеть взаперти и рыдать от ужаса в ожидании кончины? Вы сейчас хуже моей матушки!

Энджел хмыкнул, открыл дверь гардеробной, и Маргарет выпалила:

– То есть вы пришли ко мне ночью только для того, чтобы предаться самобичеванию, как эти средневековые... как их...

– Флагеллянты, – с улыбкой сказал наставник.

– ...а потом тут же сбежать?!

– О, а я, значит, не могу прийти к вам просто так, без великой цели?

Маргарет замолчала, покусывая губу. Сказать «Нет!» оказалось бы слишком невежливо (и к тому же неправдой), но упрямиться?!

– Двенадцатый час, – заметил Энджел. – Нежным юным леди давно пора спать в своих постельках.

– Нежные юные леди в них спали бы, – ядовито уверила его Маргарет, – если бы кое-кто не бросал на постельки свои пальто, сюртуки и трости, когда заходит поболтать об убийствах на ночь глядя.

Энджел поднял на нее бровь (это все еще раздражало!), взглянул на ее стеганую юбку без кринолина (поверх была теплая шерстяная) и обернулся к гардеробной:

– Где тут ваше пальто?

– Куда мы пойдем? – жадно спросила Маргарет, застегивая тугие пуговицы.

– Ваш дядя и его консультант занимаются телом, а мы займемся местом.

– Так их же два.

– Значит, двумя. – Энджел подвел ее к зеркалу и крепко обнял.

Маргарет прильнула к нему в ответ, и он вдруг коснулся губами ее волос. Сердце девушки на миг замерло. Она совсем, совсем не ожидала!.. а ведь он столько уже для нее сделал, и она ни разу его не поблагодарила!

– Спасибо, – неловко пробормотала Маргарет и сжала его руку.

– Думайте о дороге, – шепнул Энджел.

Мисс Шеридан перевела дух и сосредоточилась на крепко утоптанной снежной тропе.

Они вышли из стеклянной двери аптеки и оказались перед экипажем, запряженным необыкновенно красивой гнедой парой. Маргарет залюбовалась лошадьми неизвестной ей породы, с густыми выющимися гривами и хвостами. Энджел помог девушке забраться внутрь и набросил на нее медвежью полость.

– Куда мы?

– Сначала в парк, потом – туда, где на вас напали. – Он подобрал вожжи и коротко свистнул.

Лошади всхрапнули и так резво взяли с места, что Маргарет вжалась в спинку сиденья. Улицы замелькали, стремительно пролетая мимо. Энджел обернулся к ней – темные глаза азартно горели, как у мальчишки на первых скачках, и девушка восторженно взвизгнула. Она еще никогда не каталась с такой скоростью! Они неслись по ночным улицам, словно метеор, и даже ветер едва успевал щипать Маргарет за щеки.

Удовольствие закончилось у восточных ворот парка. Неподалеку бдел полицейский, но, когда они проезжали мимо, Энджел, пустив лошадей шагом, пробормотал какое-то заклятие, и глаза стража порядка остекленели.

«Откуда он знает столько заклинаний?» – с завистью подумала Маргарет, опираясь на руку Редферна, чтобы выбраться из экипажа. С замком на калитке в воротах Энджел разобрался еще быстрее и велел девушке взять из экипажа сумку.

– Почему именно здесь? – спросила мисс Шеридан, когда они шли по дорожке из туфа. – Ну, помимо того, что тут очень тихо и безлюдно... разве не разумней убивать жертв в разных местах?

– Что-то его сюда притягивает. Либо он чувствует это инстинктивно, как животное, либо точно знает.

– Что знает?

– Вы слышали о дурных местах?

– О каких? – покраснела Маргарет.

– Да уж не о тех, которые вам запрещали трогать няньки и гувернантки! – фыркнул он. – Дурные места возникают там, где граница между нашим миром и той стороной истончается. Для этого необязательно нужен идиот с ритуалом вроде Душителя. Иногда они возникают сами по себе, а иногда... иногда... – Энджел вдруг замолчал и нахмурился. Они шли молча некоторое время, пока Маргарет не решилась пискнуть:

– А иногда?

– Иногда, – тихо сказал Редферн, – там, где страдало и погибало множество людей.

Его голос стал таким глухим, что девушка еле разобрала ответ и не осмелилась продолжать разговор. В молчании они дошли до первого места преступления.

– Ничем не огорожено, – раздраженно заметил Энджел. – Заходи кто хочет, бери что надо.

– Чего вы ворчите? Нам же и удобней.

– Убийце тоже.

Маргарет открыла сумку, пробормотала «Lumia» и выпустила наружу летающую лампу – стеклянный шар, в котором трепетал золотистый огонек. Энджел забрался в кусты и присел на корточки у места преступления. Мисс Шеридан подобрала юбки и осторожно прокралась мимо торчащих веток.

– Ох, господи, – выдохнула она, увидев остатки бурой каши, застрявшие в стволе березы, осколки кости и кровавые пятна на белой коре.

– Дайте щипцы.

Маргарет протянула ему щипцы и коробочку. Энджел не без труда вытащил несколько осколков кости и бросил в коробку.

– Посмотрим, что они нам скажут. – Он надел очки с зеленоватыми стеклами и тщательно осмотрел место, где лежало тело. Когда Редферн поднялся, то явно был растерян. Он сдернул очки и стал грызть дужку, сердито глядя на схватившийся бурым ледком снег.

– Ну как? – спросила девушка.

– Ничего. Тут никто не колдовал. Убийство самое обыкновенное, и если бы он не воспользовался гипнозом и *mortiferum somno*... – Энджел смолк, уставился на Маргарет, и его глаза, без того немаленькие, расширились.

Редферн выскочил из кустов, как молодой олень, промчался несколько ярдов по дорожке в ту сторону, где убили вторую девушку, замер и вдруг закрутился юлой, пытаясь что-то высмотреть среди деревьев. Мисс Шеридан убрала щипцы и коробочку в сумку, поманила за собой шар и подошла к наставнику, который опять замер, уставившись на шпиль ратуши и кресты собора, которые виднелись над оградой.

– Вы знаете, что здесь было? – Редферн схватил ее за руку.

– До революции? Ну... вроде бы парк для аристократов. Теперь парк для народа, убивай хоть каждый день – никто не заметит.

– Нет! – нетерпеливо выкрикнул Энджел. – Нет! Раньше! Еще раньше!

– Не знаю, – растеряв весь сарказм, отозвалась Маргарет.

– Это Чертова плешь. – Глаза Редферна возбужденно загорелись. – В конце пятнадцатого века здесь был чумной барак. Люди умирали сотнями на этой самой земле! – Он топнул по дорожке и прошептал: – Расстояние до ратуши и собора; конечно, я помню...

– Вы хотите сказать, – вздрогнула Маргарет, – что мы сейчас стоим на общей могиле?

– Да! Город был гораздо меньше, к ратуше еще не пристроили два крыла, но собор построили уже тогда, видите главный шпиль? – Энджел указал пальцем для наглядности. – Даже когда прошло сто лет, нам все равно запрещали... Я помню... – прошептал он.

– Погодите, я запуталась. Какие сто лет? В смысле после чумных барачков прошло сто лет или... – Маргарет поперхнулась; до нее внезапно дошло, что значит его оговорка. – В каком это смысле – вы помните?! Как вы можете это помнить?!

Редферн все еще держал ее за руку, и девушка ощутила, как сильно он дернулся. Энджел воззрился на нее, словно ребенок, проболтавшийся о шалости, сморгнул и заявил:

– Я очень хорошо помню карты старого города.

Глаза Маргарет сузились. Энджел взбодрился и продолжил:

– Так вот, в конце пятнадцатого века тут был чумной барак, спустя сто лет – Чертова плешь, где никто не рисковал строиться, а в конце семнадцатого столетия некий слабоумный градоправитель разбил на этих землях парк. О чем нам это говорит?

– О том, что кто-то заврался.

– О том, что когда-то здесь умерло в муках так много людей, – не поддался на провокацию Энджел, – что грань между той и этой стороной истончилась. И возможно... возможно... – Он прикусил губу и зашептал: – Да нет! Не столько же времени... или он тоже пережил... но если так, то где тогда дыра?..

Маргарет осторожно нащупала на его запястье пульс. Вроде бился так же, как положено у человека, и рука была теплой, и он сам тоже... И дышал он так же жарко, как любой человек, – облачками пара в морозном воздухе. Энджел рассеянно смотрел на шпиль и кресты, и Маргарет кольнула совесть. Ну, может, он действительно имел в виду старые карты?

– Это все совершенно несвязно, – наконец пробормотал Энджел почти расстроено. – Он просто убивает девушек чужими руками и потом расправляется с убийцами. Но он не совершает никакого ритуала! И при чем тут чумные бараки, парк и...

– Подождите. – Маргарет нахмурилась. – То есть вы думаете, что это он убил тех троих в больнице? Но тогда должно быть еще два трупа – убийцы первой девушки и убийцы второй! Или как минимум один, если убийца тот же.

Редферн обернулся к ней.

– Действительно, – медленно сказал он; в его глазах Маргарет буквально видела лихорадочные метания мыслей. – Где еще трупы? Скажите вашему дяде, пусть поищет.

– Ладно, скажу. А вы?

– А я отвезу вас домой. Нам здесь больше нечего делать.

– А как же переулок, где на меня напали?

– Потом, – нахмурился Энджел. – Сначала мне нужно кое-что проверить.

19 февраля

Бреннон перечитывал отчет о вскрытиях. Вещи убитых девушек были разложены на столе в том же зале, где еще недавно находились улики по делу Душителя. Описание погибших, насколько его можно было составить, раздали всем полицейским. Натан запросил помощи у комиссара из отдела нравов, и тот пообещал побеседовать с сутенерами пропавших проституток. Галлахер рылся в заявлениях об исчезновениях, Бирн допрашивал зрителя. Консультанта и ведьму Бреннон отпустил отдохнуть – на случай, если к вечеру маньяк-чародей внезапно проявит себя и срочно потребует магическую помощь.

Комиссар дочитал отчеты, раскрыл их на причине смерти и разложил по столу. Сейчас его мучил единственный вопрос – один или двое убийц шастают по городу? Конечно, соблазнительно предположить, что пироман из мести прикончил троих напавших на Маргарет, однако Лонгсдейл отрицал такую возможность.

«Но зачем маньяку убивать двумя разными способами? – подумал Бреннон. – Почему он прикончил двух жертв в парке, а на Пег напал в переулке? Увидел подходящую девушку и не смог сдержаться? Зачем ему вообще какие-то помощники, если он и сам прекрасно справляется?»

Или же парк и улица Тейнор-крик, на которой покушались на Пег, как-то связаны в сознании убийцы. Но как?

В дверь постучали; дежурный принес Бреннону записку от Кеннеди и сказал:

– Вас ждет внизу мисс Шеридан.

– Ладно, води ее сюда, – поколебавшись, решил Бреннон и развернул записку.

«Вторая жертва: левая щека, – гласила она. – Срезана тем же оружием».

Комиссар подписал снизу: «Первая жертва – правая щека» и сунул бумагу между папками, потому что в комнату вошла Маргарет.

– Доброе утро, дядя, – холодно сказала она, опустилась на стул и окинула папки быстрым заинтересованным взглядом.

– Кх-хх-мм... – неопределенно отозвался Натан. Надо извиниться, но как? – Э... доброе.

– Я пришла по делу, – продолжала девушка; он чувствовал в ней явную враждебность и тем больше удивился тому, что у нее есть к нему какое-то дело. – Насколько я понимаю, уже бессмысленно скрывать от тебя, что кое-кто со мной разговаривает.

– Пег, я как раз хотел сказать...

– Мне, конечно, любопытно, почему ты не рассказал все маме, но речь сейчас не о том.

– Я не хотел расстраивать...

– У меня от него послание, – объявила Пег, на корню уморив в комиссаре всякое желание извиняться.

– Послание, – тяжело повторил он. – Это какое же?

– Он советует тебе поискать еще пару убитых. Или одного, если обеих девушек убил один человек.

– С какой это радости?

– С такой, что маньяк убил тех, кто напал на меня, и, вполне вероятно, имеет привычку расправляться со всеми подручными.

– Ага. Если это не твой ангел-хранитель так развлекается.

Глаза Маргарет сердито блеснули:

– Ты прекрасно знаешь, что нет. Мистер Лонгсдейл должен тебе сказать, потому что уж он-то может определить точно.

– Кто тебе сказал?

– Сама догадалась, – процедила Маргарет и поднялась. – А еще мама ждет тебя к завтрашнему ужину. Несомненно, чтобы выбить из тебя признание насчет меня.

Бреннон уже открыл рот для резкого ответа, как вдруг снизу послышался шум, крики, топот, и через минуту в кабинет без стука ворвался дежурный.

– Сэр! Подозреваемый... смотритель... разбил себе голову о стену в допросной!

– Твою ж мать! – прорычал комиссар и бросился вниз. Он пронесся по приемной как метеор и ворвался в допросную, где Кеннеди уже пытался унять кровь и вернуть в сознание смотрителя парка. Бирн прижался к стене, глядя на них едва ли не с ужасом.

– Это не я, сэр! – крикнул детектив, едва завидев Натана. – Богом клянусь, я просто записывал его имя и место рождения, он отвечал, и все было спокойно, а потом... он просто встал и с разбегу разнес себе башку о стену!

– Кеннеди, что с ним?!

– Если успеем довести до больницы, то, возможно, удастся спасти, – отрывисто бросил старичок. – Носилки! Осторожно! Малейшее сотрясение – и одним подозреваемым меньше!

– Что с ним? – прошипел Натан, поймав патологоанатома за рукав.

Кеннеди тихо вздохнул и чуть слышно сказал:

– Отек мозга. Шансы минимальны.

– Это не я! – снова воскликнул Бирн. – Он просто взял и... и... я даже не успел перейти к допросу!

– Отдай мне то, что успел записать.

Детектив протянул Бреннону один лист. «Фрэнк Райан, 1803 г.р., смотритель парка Свободы с 1858 года. Холост, родители умерли, живет один по адресу...» – дальше запись обрывалась уходящим вниз росчерком. Чернильное пятно было окружено брызгами крови.

– Ко мне в кабинет! – приказал Бреннон.

Бирн судорожно сглотнул и, понурившись, вышел из допросной. Следом вынесли смотрителя Райана. Натан велел отмыть помещение и вышел, угнетенный не только тем, что произошло, но и тем, что чертов пироман, похоже, прав – маньяк избавляется от помощников. И самое гнусное – делает это на расстоянии.

...оставшись в кабинете одна, Маргарет выхватила из кучки папок одинокий листочек бумаги, прочла, вздрогнула и быстро сунула обратно.

* * *

– Видите? – Лонгсдейл потыкал металлической палочкой в мозг усопшего. – Это кровоизлияние, вызванное резким и грубым воздействием.

– Магическим? – кисло спросил комиссар.

Консультант кивнул.

– Можно изучить мозг двух предыдущих жертв, – вмешалась ведьма. – Наверняка там то же самое.

– Дельная мысль, – согласился Бреннон, непроизвольно отодвигаясь от тела смотрителя Райана. Вскрытый череп не казался ему прекрасным зрелищем.

– Но само по себе кровоизлияние не смертельно, – закончил Лонгсдейл и бросил палочку в кювет. В другом углу полицейского морга Кеннеди проводил вскрытие второй погибшей. Студенты-медики, окружавшие стол, вызывали у Бреннона смутную неприязнь – нельзя, черт подери, с таким радостным энтузиазмом потрошить мертвых! Комиссар присел на стул. Лонгсдейл вернул на место срезанную верхушку черепа и накрыл Фрэнка Райана простыней. Пес свернулся в клубок у ног Натана и ткнулся мокрым носом ему в ладонь. Бреннон провел рукой по густой собачьей гриве.

– А ты, Рыжий, ничего не можешь нам сказать?

Пес помотал головой. Комиссар вяло удивился столь человеческой реакции.

– Кто-нибудь может объяснить, почему маньяк убил троих человек одним способом, двоих – другим, а одного – третьим?

– А это что, важно? – удивилась Джен, помогая консультанту снять забрызганный фартук. – Он же маньяк. Как хочет, так и убивает.

– Может, и неважно, – процедил Бреннон. – Но я не уверен. В больнице установлено круглосуточное дежурство персонала, поэтому маньяк без труда нашел бы себе марионетку, чтобы прикончить тех троих. Он, в конце концов, с Райаном разобрался прямо у нас в допросной, без личного присутствия.

– Ну он же полоумный, – пожала плечами ведьма. – Можно подумать, ему нужна причина, чтобы что-то сделать.

– Нет. В том-то и дело. Я повидал маньяков – Селинхемский, например, убивал только блондинок, в определенные даты, которые высчитывал по своей схеме, и строго одним орудием – гитарной струной. Видал и тех, кто убивал просто так, по внезапному порыву – но чтобы и то и другое одновременно?

– Комиссар прав, – сказал Лонгсдейл. – Светила психиатрической науки выделяют два вида помешательства – одно побуждает просто убивать, а второе – обставлять это как некий обряд. Но один и тот же человек не может страдать этими расстройствами одновременно. В свете того, что обнаружил мистер Кеннеди, – а именно вторую отрезанную щеку, – полагаю, маньяк все же занимается подготовкой какого-то ритуала. Но я пока не могу понять – какого.

– Значит, он не сумасшедший?

– Ну, сумасшествия я бы не исключал.

– Отлично, – буркнул Бреннон.

– Правда, – задумчиво продолжал Лонгсдейл, – оно может быть связано с местом. С этим вашим парком.

– А Тейнор-крик? На Пег напали именно там.

– Не знаю. Может, он просто не смог сдержаться, увидев подходящую девушку?

– Еще лучше. Ну я хотя бы знаю, что сделаю сейчас.

Пес вопросительно поднял уши.

– Выставляю засаду на Тейнор-крик. Будем надеяться, что нам всем повезет.

– Хорошо. – Лонгсдейл подхватил сюртук и пальто. – А мы исследуем парк. Что-то в нем привлекает маньяка.

– Что-что, – пробурчал Натан, – безлюдные укромные местечки, что же еще.

Он поднялся к себе, размышляя над теорией насчет мест. Может, дело и впрямь в самом парке? Но как с ним связать улицу? И больницу? И может ли человек чародействовать без заклятий, как колдун или ведьма?

«Господи, – тоскливо вздохнул Бреннон. – О чем я думаю!»

К счастью, у двери его караулил Галлахер – высокий, рыжий и нескладный. Просто воплощение реальной, приземленной жизни. Он протянул комиссару бумагу – заявление о пропаже, написанное с ошибками и кое-где закапанное слезами.

– Мейси Флинн, сэр, горничная у Шиханов. Они дают ей выходной по средам, и она ездит к родителям в деревню. Она не приехала в эту среду, и вот... они здесь, в приемной.

Внизу Натан сразу нашел фермера, который неуверенно мял шляпу, то надевая ее, то сдергивая, и его жену – она цеплялась за руку мужа и все время испуганно озиралась.

– Мистер Флинн? – тихо спросил Бреннон; фермер вскочил на ноги, потянув за собой жену, и окончательно смял шляпу. – Я комиссар Бреннон, отдел особо тяжких преступлений. Миссис Флинн слабо охнула и кулем упала на лавку.

– Я это... – с запинкой пробормотал мистер Флинн. – Дочка у меня того...

– Прощу следовать за мной. Галлахер, скажи Кеннеди, чтоб приготовил первую.

Детектив кивнул и исчез. Бреннон помедлил, давая им время, чтобы собраться с силами, и неспешно направился к лестнице в морг. Он слышал шарканье фермерских сапог и семенящую походку женщины. У двери Натан остановился, положил ладонь на длинную металлическую ручку и обернулся к Флиннам.

– Вы сможете опознать дочь по ее телу?

Миссис Флинн сдавленно вскрикнула и вцепилась в мужа. Тот молча теребил шляпу и кусал ус, глядя в пол.

– Чего тело-то? – наконец выдавил мистер Флинн.

– Ее лицо не уцелело.

Фермер поднял глаза на комиссара. Бреннон молча ждал, не отводя взгляда. Рано или поздно к этому нужно привыкнуть – иначе сопьешься к черту...

– Так, может, это и не она, – робко сказала миссис Флинн.

– Может, и не она, – согласился Натан. – Так опознаете или нет?

– Ну, – миссис Флинн облизнула губы, – я попробую.

Комиссар толкнул дверь. Тело было прикрыто старой чистой простыней; вместо головы покойницы Кеннеди положил подушку. В углу сбились в стайку хихикающие студенты.

Миссис Флинн пошатнулась и ухватила за мужа. Тот снова уперся взглядом в пол, когда Кеннеди стал понемногу отворачивать простыню. Бреннон молча следил за женщиной. Может, ей повезет – а может, повезет им, и они наконец установят личность. Вдруг лицо миссис Флинн скривилось, губы затряслись, и она, показав несколько раз пальцем на пару старых шрамов на руке усопшей, уткнулась в мужа и еле слышно заскулила. Кеннеди набросил простыню на тело. Мистер Флинн украдкой покосился на останки, глухо вздохнул и с силой прижал усы рукой.

– Галлахер, проводи ко мне, – велел Бреннон и резко повернулся к студентам. – Ну? – отрывисто бросил комиссар. – Что, весело? Охота еще посмеяться?

Будущие медики смотрели на него подавленно и испуганно.

– И так у каждого, – сказал Натан и стукнул кулаком по столу с телом. – У каждого из них. К каждому приходят они. – Он кивнул в сторону двери, за которой скрылись мистер и миссис Флинн. – Ну, кому еще радостно? – Студенты замотали головами. – Ну так проваливайте работать!

Он захлопнул за собой дверь и стремительно зашагал прочь. Иногда ему все еще казалось, что проще напиться.

Ночь на 21 февраля

Маргарет зевнула и отодвинула книгу. На сегодня с нее хватит. Принципы построения заклятий уже лезли из ушей, не помещаясь в мозг, и, взглянув на часы, девушка решила: это от того, что она засиделась за учебником до полуночи. Она заложила главу красной ленточкой-закладкой, подошла к окну и отодвинула штору. Безлюдную ночную улицу скудно освещал фонарь; Маргарет смотрела в темноту, пока ей не показалось, что тень соседнего дома шевелится. Мисс Шеридан протерла глаза – впредь нужно меньше засиживаться над книгами. Она уже потянулась к звонку для прислуги, как вдруг в грудь ударила горячая волна, с такой силой, что Маргарет пошатнулась и вцепилась в штору. Пол ушел из-под ног, уши заложило, перед глазами закружился туман.

Маргарет осела на ковер. В голове шумело, и в этом глухом шелесте раздался чей-то голос. Девушка против воли стала вслушиваться, пытаясь разобрать слова, и тут плоский медальон под одеждой так раскалится, что кожу обожгло, будто каленым железом. Маргарет пронзительно вскрикнула – боль отрезвила, разогнала шум, звук голоса и вязкую дурноту, парализующую разум и волю. В глазах все еще плыло, ноги были как ватные, и Маргарет прошиб горячий пот. Она поняла, кто пришел за ней, и ее бросило в дрожь. Ей все еще смутно слышался неясный голос, но боль не позволяла на нем сосредоточиться. Голос постепенно отдалялся, пока не затих совсем.

Мисс Шеридан в полубомороке повалилась на пол. Ее бил озноб. Медальон все еще жег ей грудь, но, если бы не он, маньяк мог бы приказать ей что угодно. И она бы послушалась.

«Вот как он это делает. – Девушка сжалась в клубочек. – Ему даже не обязательно стоять рядом. Но должно же быть какое-то расстояние, на котором уже не действует...»

Она с усилием поднялась на четвереньки, подползла к окну и осторожно выглянула поверх подоконника. Может, он все еще прятался в тени соседнего дома, но Маргарет уже не смогла бы его различить. У нее кружилась голова, перед глазами то и дело темнело.

– Мисс! – донеслось до нее сквозь вату в ушах. – Ох, господи, мисс, что это с вами!

Девушка поморгала, помотала головой и разглядела компаньонку. Мисс Тэй бросилась к подопечной, подхватила под мышки, оттащила от окна и усадила около кресла.

– Боже ты мой, вам дурно? Ну-ка, моя милая, давайте-ка встанем. – Мисс Тэй утерла лоб, подставила Маргарет плечо, и девушка кое-как поднялась, чтобы тут же мешком свалиться в кресло. – Я пошлю за врачом, – решительно сказала компаньонка, отдуваясь – все же маленькой пухленькой женщине нелегко перетаскивать семнадцатилетних девиц на голову выше себя.

– Ох, не надо! – просипела Маргарет. – Лучше за дядей... за комиссаром Бренноном...

– Вы бредите, бедная девочка. – Мисс Тэй приложила ладошку ко лбу девушки и вдруг оцепенела. Взгляд компаньонки ускользнул и стал рассредоточенным, точно она внезапно заснула наяву.

– Мисс Тэй, – позвала Маргарет. Компаньонка отступила и обвела комнату пустыми глазами. – Мисс Тэй?

Женщина подошла к столу и взяла канцелярский нож.

– Мисс Тэй! – пронзительно крикнула Маргарет. – Прекратите!

Компаньонка повернулась к девушке. Мисс Шеридан поднялась и, цепляясь за кресло, попятилась за его спинку. Ноги дрожали и подгибались.

– Помогите! – закричала Маргарет. – На помощь!

Мисс Тэй кинулась на нее, вытянув руку с ножом. Девушка завизжала, оттолкнулась от кресла и метнулась к двери. Голова тут же закружилась, пол уехал куда-то вбок, и Маргарет упала, но, к счастью, на спину. Компаньонка молча бросилась на девушку, целя ножом в лицо.

– Помогите! – завершала Маргарет. Она поймала мисс Тэй за запястье и слабо ткнула ее коленом в живот. – Помогите же! Кто-нибудь!

Компаньонка запыхтела и ухватила Маргарет за локоть, пытаясь вползти на нее повыше. Девушка боролась, отпихивая нож, но ее рука дрожала все сильнее, а мисс Тэй навалилась на нее всем весом. Дверь с грохотом распахнулась, мимо Маргарет промелькнули ноги Эдди. Брат схватил мисс Тэй поперек талии и оттащил, как собаку. Женщина без единого звука забилась в его руках, размахивая ножом. Маргарет отползла от нее, опираясь на локти, и прошептала:

– Stet adhuc et videre.

Мисс Тэй замерла, и Эдвин выкрутил ей руку с ножом. В комнату ворвался отец с револьвером и ударом рукояти выбил у компаньонки оружие. Женщина рванулась за ножом с такой силой, что Эдди едва ее удержал. В распахнутую дверь влетела мама ихватила мисс Тэй по голове фарфоровой статуэткой. Юная пастушка разлетелась вдребезги; мисс Тэй наконец-то обмякла. По ее щеке и шее потекла струйка крови.

– Ох ты ж черт, – прошептал Эдвин и выпустил тело компаньонки. – Пегги, ты цела?

– Что тут происходит? – спросил папа. Он поднял Маргарет на ноги, и она, зажмурившись, прижалась к его груди.

– Она свихнулась, – тяжело дыша, заявила мама. – Эта особа давно казалась мне подозрительной, и, если бы ты меня не отговаривал, я бы выгнала ее еще месяц назад! Пегги, она тебя ранила?

– Нет, все в порядке, – с усилием выдавила девушка.

Отец, смущенно кашлянув, положил револьвер на полочку, где минутой раньше стояла пастушка, и обнял дочь обеими руками, словно боялся, что она упадет замертво. Маргарет чувствовала, что он дрожит.

– Может, ее связать? – спросил Эдди. – Ну и врача, полицию... санитаров?

– Свяжи, – тут же согласилась миссис Шеридан. – Джозеф, уложи Пег и позови эту ленивую глухую идиотку.

– Кого?

– Ее горничную! – рывкнула хозяйка дома. – Эдди, как закончишь – живо к дяде Натану. Поедешь сам. Я займусь слугами. Еще немного, и они начнут увольняться стаями!

– Мам! – жалобно всхлипнула Маргарет, с ужасом прислушиваясь к шуршанию в гардеробной. – Пожалуйста! Можно ее убрать и... и... я сейчас умру!

Отец подхватил ее на руки и, крихтя, донес до кровати. Девушка обвила руками его шею и прильнула щекой к густым бакенбардам.

– Все в порядке, папа, – шепнула она. – Все хорошо. Не надо мне горничную, я хочу немного побыть в тишине.

Мистер Шеридан судорожно вздохнул и прижал дочь к себе.

– Конечно, – пробормотал он. – Конечно, милая. Но ты уверена, что Эдди или мне не нужно остаться?

– Нет, спасибо. – Маргарет тихо шмыгнула носом и опустилась на подушку.

Отец сунул ей платок и поспешил на помощь Марте: слуги наконец изволили явиться на шум, и теперь хозяйка дома раздавала указания вперемешку с ядовитыми замечаниями насчет пользы от глухой прислуги. Компаньонку, связанную шнурами от штор, вынесли два лакея; горничную послали за врачом; Эдди в общей суматохе исчез, пока остальных детей с трудом загоняли в детскую. Когда дверь наконец закрылась, мисс Шеридан чувствовала себя измученной больше, чем от нападения маньяка.

Едва она осталась одна, как из гардеробной вылетел Энджел. Он был бледен и зол, потемневшие глаза свирепо сверкали, как у дикого кота. Но он бросился не к окну, а к девушке, с лихорадочной быстротой ощупал ее от макушки до бедер. После этого у него вырвался слабый вздох сквозь сжатые зубы, и он прижал Маргарет к себе с такой силой, что у нее ребра хруст-

нули. Пораженная выражением темных глаз, девушка робко обняла его и вздрогнула, ощутив такую же слабую дрожь, как у отца.

– Цела, – глухо выдохнул Энджел, и Маргарет зажмурилась, чтобы не разреветься, уткнувшись ему в грудь, как котенок в кошку. Только сейчас ей стало по-настоящему безопасно – и по-настоящему страшно. Она слышала, как часто стучит сердце Энджела, чувствовала его прерывистое дыхание около виска, пальцы, сильно, до боли, стиснувшие ее плечо, щеку, прижавшую ей волосы, терпкий запах одеколона...

– Все хорошо, – заплетающимся языком пролепетала Маргарет и чуть не выпустила из-под ресниц слезы. Да за что же ее так преследуют?!

– Нет, – тихо ответил Редферн, – не хорошо.

Она всхлипнула.

– Но что мне делать?

– Поплачьте. Пока еще можно.

– А потом?

Он погладил девушку по голове и нежно шепнул:

– А потом я заживо сдеру с него шкуру.

Маргарет судорожно вздохнула несколько раз, шмыгнула носом и вытерла глаза ладонью. Застежка платья заерзала по ожогу на груди, и девушка зашипела от боли. Энджел тут же отстранился, окинул мисс Шеридан цепким взглядом и спустя секунду уже расстегивал ее лиф. Маргарет едва успела осознать, что он делает.

– Оставьте! – пискнула она, заливаясь краской.

– Он перегорел. Снимайте. Я принесу вам новый. – Редферн вытолкнул из ремня флакон с прозрачным желе и, пока девушка возилась с цепочкой, принялся втирать мазь в ожог. – Интересно, что это за тварь, если она спалила амулет, который выдержал прямой удар Душителя.

Маргарет чуть не подпрыгнула. Как она могла забыть!

– Я видела! – зашептала она, вцепившись в локоть Редферна. – Теперь я знаю, что он делает! Я могу рассказать!

– И он тоже об этом знает. Маргарет, вы уверены, что хотите здесь остаться?

– А куда мне еще...

За дверью послышался такой топот, словно в комнату собиралась вломиться целая толпа дядюшек. Энджел вскочил и схватил Маргарет за руку.

– Идемте! С меня довольно, я заберу вас в безопасное место!

– С ума сошли?! Там наверняка дядя, мама, папа и... вы хоть понимаете, что они подумают, если я исчезну?!

– Но...

– В гардеробную! – зашипела Маргарет. – Быстро! Слушайте все, что я им расскажу!

На лице Редферна появилось такое сложное выражение, что девушка чуть не стукнула его лампой для чтения – похоже, он хотел сцапать ее и уволочь силой, но благоразумие победило. В последний момент, когда дверь уже открывалась, он юркнул в гардеробную. Маргарет едва успела замотаться в плед.

– Пегги! – первым к ней ворвался дядя. – Ты цела?!

– На меня напал твой маньяк, – ответила мисс Шеридан. – Теперь я знаю, как он это делает. Хочешь, расскажу?

* * *

Натан ждал результата в небольшой гостиной на втором этаже. Он стоял у широкого окна, сцепив руки за спиной, и хмуро оглядывал улицу. Эта падаль была здесь, на расстоянии едва ли не вытянутой руки – и никто не смог ей помешать. Кроме проклятого пиромана с его амулетом.

– Жалеете? – тихо спросила ведьма. Бреннон покосился на нее через плечо: Джен сидела в углу дивана, вытянув ноги, закинув руки за голову, и явно наслаждалась происходящим. Лонгсдейл, примчавшийся по первому зову (точнее, отчаянному воплю), вошел к Маргарет без своей подручной.

– О чем? – буркнул комиссар.

– О том, что не видите в темноте. Вдруг он все еще здесь, а? Прячется там в тени, а вы не можете разглядеть.

– А ты? Ты видишь?

Ведьма грациозно поднялась и скользнула к окну. В черных глазах вспыхнуло оранжевое кольцо вокруг зрачка; ноздри жадно раздулись.

– Нет, – наконец разочарованно сказала она, – ушел.

Натан разжал кулак и посмотрел на почерневший плоский кружок. В нем был вырезан замысловатый знак, похожий на геральдический щит, сплетенный из трав.

– Если бы не он... – глухо сказал Бреннон и смолк, не в силах произнести очевидное. Если бы не чертов пироман! – Этот выродок мог приказать Пегги что угодно.

– Да. – Джен взглянула на медальон, поморщилась и отступила. – А ваш чародей крепко охраняет свою добычу.

«А то ж, – тоскливо подумал комиссар. – Мы-то не способны».

Он уже почти жалел, что пироман не выполнил свою угрозу днем раньше. Вдруг его «безопасное место» сейчас лучшее укрытие для Пег?

Лонгсдейл вернулся в гостиную вместе с псом, оставив родителей с Пегги. По хмурой физиономии консультанта Натан понял, что дело стало еще хуже, чем было с утра.

– Ну что? – отрывисто спросил он.

Лонгсдейл покачал головой, поставил на стол чемоданчик со своим чародейским снаряжением и открыл.

– Это не гипноз.

– Но она в безопасности?

Консультант взглянул на Бреннона поверх крышки.

– Сейчас никто не в безопасности.

Комиссар сжал в кулаке медальон.

– Значит, вы утверждаете, что каждый человек в этом городе может в любую минуту стать убийцей, потому что так ему внушит безумный маньяк?

– Да, – бесстрастно отозвался Лонгсдейл и вытащил из чемодана коробку. – Возьмите.

– Что это?

– Амулеты, аналогичные тому, что был на мисс Шеридан. Здесь десять штук.

– Для кого?

– Один для вас. Не спорьте. Вы не должны терять здравый рассудок.

– А остальные? Остальные сто сорок тысяч жителей?

Пес ткнулся носом в руку Натана.

– Я закажу партию амулетов и привезу в департамент. – Лонгсдейл защелкнул чемодан. – В остальном единственный способ помочь – это найти маньяка как можно скорее.

Бреннон достал из коробки серебристый кругляшок на цепочке и повесил его на шею. Медальон оказался почти невесомым; Натан убрал его под жилет.

– Носите не снимая, – велел консультант. Он сел на диван и открыл блокнот. Джен тут же подобралась к нему и заглянула через плечо.

– Неправда! – возмущенно вскричала она.

– Где именно? – устало спросил комиссар.

– Вы ошиблись, Рейден, – сказал девушке консультант. – На Виктора ван Аллена воздействовали не гипнозом.

– Откуда вы знаете? – Бреннон взял протянутый ему блокнот и вчитался. Выводы Лонгсдейла пестрили загадочными словами, перемежаясь латынью, элладским и еще какими-то закорючками, но общую картину Натан уловил.

«Дожил, – с мрачной горечью подумал он. – Уже вижу разницу между „отпечатком заклęcia“ и „запахом колдуна“! Тьфу! А дальше что? Арест барабашек за полтергейст в неподобающем месте?»

– Я зашел к молодому ван Аллену сегодня; там меня и нашел ваш дежурный, – сообщил Лонгсдейл. – При беглом осмотре действительно кажется, что юношу пытались загипнотизировать.

– Я этого не говорил! – с негодованием опровергла ведьма, и Натан почти с умилением отметил, что она залилась пунцовой краской, как школьник. – Я говорил, что это похоже на гипноз! Вы! – Она дернула комиссара за полу сюртука. – Ну скажите ему!

– Не говорил, – подтвердил Бреннон под ехидное фырканье пса. – Речь шла о том, что это было воздействие без чар, похожее на колдовское, но произведенное человеком.

– Да! – обиженно воскликнула Джен. – Я не спутаю наш гипноз, гипноз под заклятием и это... эту штуку!

– Так что же это за штука? – спросил комиссар. Лонгсдейл задумался надолго и наконец медленно произнес:

– Сильнейшее магическое воздействие на разум. Ни заклятий, ни чар, ни колдовства – только воля, усиленная тысячекратно.

– Чем?

– Не знаю, – вздохнул консультант. – Я не знаю, что может настолько усилить волю человека, чтобы он мог так подавлять других.

Бреннон обдумал его слова. Кое-что осталось непонятным.

– Почему вы так уверены, что это не колдун и не ведьма?

– О, я же говорил... – нетерпеливо начала Джен, но смолкла по знаку Лонгсдейла.

– Вы не совсем отдаете себе отчет в том, насколько сильно колдун или ведьма отличаются от человека, – мягко сказал он.

– Ну, на вид не особо, – хмыкнул Натан.

– Внешность обманчива.

– Да вы что! – Бреннон скосил глаза на девушку. Когда-то она прямо перед ним превратилась в факел; может, это и есть ее настоящий облик?

– Кровь и магия в их жилах неразделимы, – продолжал Лонгсдейл. – Колдуют так же свободно, как дышат, и оставляют не след заклятия, а свой запах. Люди его не чувствуют, но ведьмы и колдуны легко различают сородичей по этому запаху.

– Так что же, они совсем не пользуются заклятиями?

– Отчего же? Пользуются, но когда нужно что-то совсем уж конкретное. Иногда заклятиями помогает себе молодняк, еще не освоивший тонкости применения своих сил. – Лонгсдейл пристально посмотрел на Джен. Девчонка нахально фыркнула и скрестила руки на груди с гордым, независимым видом.

– Ну так разве это не наш случай? – поразмыслив, спросил Натан. – Кто-то подчиняет себе людей без всяких там заклинаний. Разве из этого не следует, что этот кто-то – колдун?

– Нет.

– Да почему же?!

– Человеку для чародейства нужны костыли, – терпеливо принялся объяснять Лонгсдейл, – в виде заклинаний. Именно заклятие и оставляет тот отпечаток, по которому я узнаю другого чародея. Потому что в нем остается след его личности, ведь для того, чтобы заклятие подействовало, в него нужно вложить силу желания, воображение и волю. Сейчас, когда я осматривал и юношу, и девушку, я не нашел отпечатка конкретного заклятия – я вижу лишь след, оставленный человеком, воля которого вдруг стала сильнее в тысячи раз. Словно ему достаточно сформулировать желание, а сила его воли внушит его любому человеку.

– Может это быть получеловек-полуколдун?

– Нет, – резко возразила Джен. – Мы не люди, ваши человеческие самки не могут понести от колдуна, а самцы не оплодотворят ведьму.

Комиссар чуть не поперхнулся. Очевидно, девушку оскорбляло само предположение. Но почему?!

– Почему это? Разве наши мужчины и женщины не могут вызывать у вас, – Бреннон ехидно подчеркнул слово, – желания?

– Могут. Желание – да, дети – нет.

– Разве никто не пытался обойти эту глупость? Ну, влюбился какой-нибудь колдун...

– Они не могут влюбиться, – сказал Лонгсдейл. – У них нет души.

– И что? – ошарашенно спросил Бреннон. – Как это мешает производству на свет потомства?

– Это – не мешает, – ответила ведьма. – Мешает то, что мы существа разной природы.

– Но... – Комиссар задумался. Так, значит, все эти байки о полукровках – просто байки? Женщина не может родить ребенка от «духа из холма»? Или только от колдуна?

– Видите ли, наследственные цепочки... – начал было Лонгсдейл, но Бреннон перебил его:

– А при чем тут душа? Она существует, что ли? Откуда мне знать, я вот не чувствую, что она у меня есть.

– О нет, – тихо проговорил консультант, – если б у вас ее не было, вы бы сразу поняли разницу.

Пес чуть слышно вздохнул. Все это время он лежал мордой к двери, в сторону комнаты Маргарет, и выглядел как воплощение нечеловеческой тоски.

– А у вас? – спросил Натан. – У вас она есть?

Джен настороженно заерзала на месте. Консультант задумался, нахмурился, опустив голову, и промолчал.

– Я полагаю, что уже можно допросить мисс Тэй, – наконец заявил он, встал и взял чемоданчик. Пес неохотно поднялся.

– Э... ладно, – пробормотал комиссар, изрядно удивленный. Хотя черт их знает – может, в их консультантских кругах вопросы о душе так же неприличны, как вопросы о белье. – Я приставил к ней двоих, чтоб скрутили, как только она попытается проломить головой стену.

Лонгсдейл кивнул. В голове Натана крутилась какая-то смутная неоформленная мысль, но он никак не мог ее уловить. Он вышел из гостиной следом за псом и ведьмой, вспомнил, что держал что-то в руках, и быстро вернулся за коробкой с медальонами. Вот тут-то его и настигло озарение.

– Эй!

Лонгсдейл остановился посреди лестницы и обернулся на окрик.

– Вы сказали, что закажете нам партию амулетов. В каком это смысле – закажете?

– В обычном, – немного удивленно отозвался консультант. – Вы же не думаете, что я отливаю амулеты, пули для моего оружия и кую себе клинки прямо в подвале моего дома?

– Так вам их доставляют, что ли? – задыхнулся Бреннон. – Их кто-то производит на заводе?!

– Ну, насчет деталей не знаю. Мне известен адрес, на который я высылаю заказы.

– Известен? – в бессилье выдавил комиссар. – Известен? Так почему же вы туда не съездите?

На лице консультанта отразилось такое же растерянное изумление, как тогда, когда Бреннон спрашивал его о семье и воспоминаниях.

– А зачем? – искренне удивился Лонгсдейл и стал спускаться. Джен, прикусив губу, недовольно и виновато смотрела на комиссара; взгляд пса был требовательным и пристальным.

«Ладно, – подумал Натан. – Ладно же...»

* * *

Бреннон медленно листал протокол допроса мисс Тэй. Впрочем, листать тут было особо нечего – со всеми подробностями он уместился на пяти страницах. Мисс Тэй не помнила ничего с того момента, как усадила подопечную в кресло, и до тех пор, пока не очнулась в больнице с перевязанной головой. Бедная женщина была напугана до смерти и шокирована тем, что ее содержат как буйнопомешанную, но комиссар не видел иного способа уберечь ее жизнь. Только смирительная рубашка, ремни, постоянный присмотр двух полицейских и медальоны Лонгсдейла – как на жертве, так и на охране.

Натан захлопнул папку и швырнул ее в ящик стола. Сегодня утром он провел собрание, где в общих чертах обрисовал суть проблемы. Он сделал это после долгого совещания с Бройдом, но все равно – ни один комиссар полиции не почувствует себя счастливым и уверенным в своем профессионализме, объявляя всему департаменту, что в городе завелся маньяк-чародей. Бреннону до сих пор казалось, что подчиненные вот-вот наберутся смелости скрутить его и сдать в дурку.

В дверь постучали.

– Ну? – мрачно отозвался комиссар.

Вошел Бирн. Детектив все еще выглядел неважно; зато он уже не мог усомниться в здравом рассудке начальства после того, что видел в допросной. На фоне темного жилета Бирна поблескивал медальон.

– Садись. Что у тебя?

– Я проверил отчеты Кеннеди за минувший месяц. Среди неопознанных трупов нет ни одного с повреждениями, подобными тем, что нанесли двум жертвам.

– Это хорошо, – проскрипел Натан. – Видимо, наш маньяк только в начале своего творческого пути. Утешает.

– Что касается потенциального убийцы, – Бирн потер шрам, – то боюсь, что под влиянием маньяка даже женщина смогла бы нанести столько ударов, чтобы раскрошить лицо жертве. Тем более уже не сопротивляющейся. Мы вряд ли выявим убийцу первой жертвы, если это не тот же Фрэнк Райан.

– Орудия убийства все еще нет?

– Из пруда выловили столько камней, что можно перебить целый женский пансион. Свидетелей тоже нет. Никто не видел ни в парке, ни около него окровавленного человека с камнем или даже без камня. Что неудивительно: первое убийство тоже было совершено глубокой ночью.

– Гм. А что приличная горничная делает в парке, да еще и глубокой ночью?

– Что угодно, сэр. Маньяк ведь мог приказать ей что угодно.

– Тоже верно. Но все-таки где-то она встретила маньяка и как-то дошла до парка. Ты допрашивал Шиханов и их прислугу?

– Я бы хотел, но...

– Но?

– Боюсь, что все кончится так же, – тихо сказал Бирн. – Кто поручится, что маньяк не велит мистеру или миссис Шихан броситься с крыши, как только я подойду к их дому?

– Никто, – сухо ответил Бреннон, – и если б я мог раскрыть дело, глядя в волшебное зеркало, то я бы раскрыл. Но я не могу.

– Мы рискуем их жизнями, сэр. – Единственный глаз детектива припух и покраснел, и под ним обозначился синеватый мешок. Костистая физиономия Бирна стала еще более худой и узкой. – Я не уверен, что имею право распоряжаться чужими жизнями.

– Я тоже. Но если мы не проследим путь Мейси Флинн из дома Шиханов до парка, то мы не узнаем, где она встретила маньяка. Как ты думаешь, сколько женщин понадобится нашему убийце, если он срезает с каждой по такому маленькому кусочку?

Бирн уткнулся взглядом в свой блокнот.

– Если ты боишься, что кто-то умрет... Да, кто-то умрет. Мы не сможем предотвратить смерть ни третьей, ни, скорее всего, четвертой девушки. Но, возможно, если мы будем работать с утра до ночи, – возможно! – пятая уцелеет. А возможно, и нет – но это уже зависит от нас.

Бирн молчал, глядя в пол, сжав зубы так, что на скулах вздулись желваки.

– Так что же? – спросил Бреннон. – По-твоему, есть смысл корячиться ради пятой, шестой и всех остальных – или пусть уждохнут?

Бирн глубоко вздохнул и встал.

– Простите, сэр. Расклеился. Тяжелая пара дней. Я бы съездил к Шиханам вечером, чтобы застать их всех дома.

– А сколько их там?

– Мистер Шихан, миссис Шихан и еще трое младших мистеров Шиханов. Сыновьям от девятнадцати до десяти. В числе прислуги кучер, садовник, повар, дворецкий, две горничные, трое лакеев и гувернер.

– Вот и займись.

– Слушаюсь, сэр. И еще, сэр, миссис ван Аллен просила передать, что хотела бы вас увидеть.

Комиссар пристально взгляделся в физию подчиненного. Увы, из-за шрама она по большей части ничего не выражала. Еще не хватало, чтоб в департаменте начали делать ставки на дату помолвки!

– Ладно, – ровно сказал Бреннон. – Учел. Свободен.

Бирн позволил себе тихо хмыкнуть и исчез. В двери на миг возник Галлахер, передал записку из отдела нравов и тоже испарился, спеша вернуться к допросу персонала больницы. Натан развернул бумажку – там значилось всего одно имя: Горячка Пэтти (Пэт Дормер). Комиссар отдела нравов советовал обратиться к ее сутенеру, некоему Эндрю Полтора Кулака, фамилия которого сгинула в дебрях его запутанной биографии. В целом комиссар ван Виссен полагал, что Полтора Кулака прибил проститутку сам, но раз коллега имеет какие-то подозрения... Правда, сутенер так ловко залег на дно, что ван Виссен потерял его из виду, но у Натана имелись кое-какие козыри в рукаве. Он накинул пальто, надел шляпу и отправился в дом номер восемьдесят шесть.

Консультанта Бреннон нашел в гостиной, перед жарко пылающим камином. Пес нежился на шкуре у каминной решетки и лениво махнул хвостом в знак приветствия; его хозяин увлеченно изучал какие-то карты, разложив их у себя на коленях, на столе и на полу. Ведьма, проводив Бреннона до гостиной, хотела уйти по своим дворецким делам, но Натан ее остановил:

– Добрый день. У меня к вам есть небольшая просьба.

Консультант поднял голову и рассеянно поморгал на комиссара, словно успел забыть, кто он такой.

– Я был в парке, – заявил Лонгсдейл. – Я подумал, что убийства связаны с самим местом, но, как ни странно, ничего не нашел.

– То есть никакой дыры на ту сторону, из которой маньяк хочет выудить десяток-другой гнусных тварей? – заинтересовался комиссар. – А вы думали, что она есть?

– Да. Тогда стало бы понятно, почему именно парк. – Лонгсдейл нахмурился, глядя на карту. – Но это не так. Ничего похожего на портал, рукотворный или самораскрывшийся, там нет.

– Ну, гипотеза не оправдалась...

– Но зато там есть это ощущение, смутное, полустертое, но я его уловил. Оно возникает в местах, где когда-то погибло много людей. Вы помните что-нибудь подобное о парке?

– Революция, – ответил Бреннон. – В те годы весь город был завален трупами. Здесь несколько месяцев шли бои между нами и имперской армией.

– Не подойдет, – пробормотал консультант. – Это было недавно.

– Двадцать лет назад, – сухо вато сказал Натан.

– Нет, не то... Оно слишком старое и идет из земли, глубоко под парком и слоем современной почвы... – Лонгсдейл снова уткнулся в карту. На ней Бреннон заметил дату – 1803 год.

– Что вы там ищете? Этому парку черт знает сколько лет. Кеннеди его помнит с детства, а старику, между прочим, скоро восемьдесят.

Консультант не ответил.

– О чем он вообще говорит? – тихо спросил у Джен комиссар. – Какое еще ощущение?

– Дух дурного места. Представьте себе засыпанную сточную канаву, проходя над которой вы все равно чувствуете запах нечистот. Только в дурном месте пахнет не грязью, а смертью.

– Гм, в детстве бабки в деревне пугали нас гиблыми местами, но я-то всегда думал, что они просто пугают детей от болот и лесной чащи. Думаете, это к чему-то приведет? Какая польза маньяку от этого места?

– В нем проще прокрутить дыру на ту сторону, – объяснила Джен. – А если смертей и мук слишком много, то такая дыра может расползтись сама. Кроме того, подобные места всегда притягивают таких, как ваш маньяк, даже если он и не думает ни о каких порталах.

– Родство душ, – хмыкнул Бреннон.

– О чем вы хотели спросить? – осведомился Лонгсдейл, не отрываясь от карты.

– У нас нарисовались личности жертв. Первая – Мэйси Флинн, горничная. К ее хозяевам поехал Бирн. А вот насчет второй... – Натан вытащил из кармана записку и сунул под нос консультанту. – Она была проституткой, а ее сутенер, Эндрю Полтора Кулака, тоже исчез. Хотелось бы его найти.

Лонгсдейл взял записку ван Виссена, протянул ее Джен и буркнул «Займитесь». Ведьма радостно цапнула ее прежде, чем Бреннон успел возмутиться. Она же девушка, в конце-то концов!

«Хотя, если он выпускает ее „поохотиться“ в Вороньей Дуге, – кисло подумал комиссар, – наверное, ей это не впервой».

Пес тоже заинтересованно поднял голову.

– Рыжего отпустите?

– Я не собираюсь выходить, – отрешенно отозвался Лонгсдейл и бросил карту в кучу около кресла. – Тут еще много работы.

– И чем вам в ней помогает собака?

Джен схватила комиссара под локоть и нетерпеливо потянула за собой. Комиссар едва успел сказать «До свиданья», как оказался в холле. Ведьма уже натягивала пальто, весело насвистывая.

– Как далеко они могут отойти друг от друга? – спросил Бреннон.

Свист оборвался.

– Какое вам дело? – прошипела девушка.
– Он просил помочь. Я помогаю. Десять футов? Десять ярдов?
– Около дюжины, – буркнула Джен.
– Почему?
– Откуда я знаю? Спросите у пса, если вас так разбирает.
«Конвоир или телохранитель? – подумал комиссар. – Или тут другая причина? Но какая же, черт ее побери?!»

* * *

Воронья Дуга растянулась вдоль берега Уира там, где относительно приличные кварталы (вроде того, где жил пивовар Мерфи) сменялись чередой заброшенных амбаров и складов, переходящих в узкие улочки. Они повторяли изгиб озерного берега и были беспорядочно застроены низкими деревянными домишками и кирпичными домами в два-три этажа – последней попыткой мэрии облагородить городское дно.

«Могли бы и не пытаться», – подумал Бреннон: с тех пор, как он стал служить в полиции, и по сей день Воронья Дуга оставалась неизменной. Чтобы ее «облагородить», следовало начать со сноса всего квартала. Очищающий огонь тоже не помешал бы.

– Не опасешься? – Комиссар кивнул на экипаж Лонгсдейла.

– Пусть попробуют, – отозвалась Джен.

– Что ты будешь делать? – спросил Бреннон, когда ведьма целеустремленно зашагала мимо амбаров и складов. Комиссар на всякий случай вытащил из кобуры револьвер и сунул руку с ним в карман пальто. Мало ли...

– Раз у вас нет ни куска его плоти, ни бутылки его крови, ни даже какой-нибудь его вещи, то воспользоваться заклятием мы не сможем. Остается нюх.

– Могли бы взять собаку, – пробормотал Натан; правда, пришлось бы тащить с собой и консультанта...

– Псу тоже нужна хотя бы портянка, – беспечно сказала Джен. – А я могу найти его и так. Но мне требуется место, где я смогу умиротвориться и сосредоточиться на полчаса. Желательно поближе к Вороньей Дуге, чтоб мы его в итоге не потеряли.

Девушка остановилась перед полуразвалившимся каменным амбаром. Сгнившие двери лежали на земле, припорошенные последним февральским снежком.

– Как ты это сделаешь? – Бреннон пробрался следом за ней мимо выломанных дверей.

– Если Горячка Пэтти была его проституткой, то, значит, он к ней прикасался. Причем гораздо чаще, чем все ее клиенты. А если я хорошенько сосредоточусь...

– погоди! А выловить таким образом маньяка или убийцу ты сможешь? – ухватился за идею Натан.

Девушка покачала головой.

– Нет. Это не работает на тех, кто притронулся к ней пару раз, тем более после ее смерти. А теперь отойдите и не мешайте. Следите, чтобы никто сюда не вломился.

Бреннон потыкал ногой ящики в углу и осторожно на них сел. Джен замерла посреди амбара, обхватив себя руками и опустив голову. Натан пошарил в кармане пальто, обнаружил сверток с печеньем (еще вроде бы съедобным) и принялся грызть, чтобы скоротать время. Печенье, твердое, как кусок черепицы, начало поддаваться в момент, когда ведьма глубоко вздохнула и стала мерно покачиваться туда-сюда. Иллюзия поползла с нее, словно прозрачная тающая вуаль, и Натан невольно задумался, сколько же ей лет. На вид ей можно было дать от восемнадцати до двадцати пяти, а вела она себя как неумный подросток.

«Зачем отдавать ведьму на воспитание человеку? – подумал Бреннон. – Почему она вообще его так слушается? В сущности, что может человек сделать ведьме? Или он все-таки уже не человек, и ведьмы и колдуны считают его кем-то другим. Но кем?»

Перебирая в памяти все, что успел узнать, Натан только еще больше запутывался. Ему нужен был кто-то, с кем можно обсудить странную проблему, и этот кто-то – явно не консультант. Он, похоже, до сих пор толком не осознал, что в нем живет какой-то другой человек и просит о помощи.

«Что же у него в голове, если он не задумывается о самых элементарных вещах? Как можно прожить шестьдесят лет и ни разу не спросить себя, кто ты, откуда, где твои друзья и родичи? Почему не наступает старость? Да черт подери, как можно даже не задаваться вопросом, с каких заводов тебе привозят твои амулеты и пули?!»

А пес, который не может отойти от Лонгсдейла, или Лонгсдейл – от пса? Натан готов был поклясться, что в собаке есть кто-то еще, потому что ну не может бессловесная тварь, хоть сто раз она не просто животное, так себя вести!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.